

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

ЧУЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

УДК: 343.9.018

Атабеков Кайрат Кулбакович

**КОМПЛЕКСНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ**

Специальность

12.00.08.: уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное
право

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

**научный руководитель
доктор юридических наук,
профессор К.М. Осмоналиев**

Бишкек – 2012 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Понятие, содержание и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности	
§ 1. Понятие, предмет и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности	12
§ 2. Методологические аспекты уголовно-правового и криминологического прогнозирования	44
Глава 2. Криминологическая обстановка и уголовная политика как объекты комплексного прогнозирования	
§ 1. Основные черты современной криминальной ситуации и возможности ее прогнозирования.....	66
§ 2. Уголовная политика как объект комплексного прогнозирования	87
Глава 3. Комплексное прогнозирование и перспективные направления уголовной политики	
§ 1. Прогнозирование и проблемы правотворчества в сфере противодействия преступности	115
§ 2. Прогнозирование перспективных направлений уголовной политики	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	144
СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	147

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования и разработки проблемы комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности обусловлена возрастанием значения прогнозного мышления и повышения в современных условиях значимости требований по принятию решений в сфере уголовной политики, таких как компетентность, научность и своевременность. Масштабность проблем противодействия преступности, динамизм обстановки, многообразие процессов, связанных с воспроизводством данного явления, предопределяют необходимость опережающего анализа в развитии ситуации.

Среди множества острых проблем, стоящих сегодня перед кыргызским государством и обществом, на одно из первых мест все увереннее выходит преступность, особенно ее наиболее опасные формы - организованная преступность и коррупция. Масштабно и системно они по существу уже приобрели все признаки угрозы национальной безопасности страны. До недавнего времени масштабы и темпы распространения этих наиболее опасных видов преступности, включая наркопреступность в Кыргызстане, похоже, были таковы, что ставили под вопрос и социальную стабильность и перспективы кыргызского общества. Имевшие место в новейшей истории Кыргызстана две революции 2005 и 2010 гг., массовые столкновения на межнациональной почве 2010 г., тюремные бунты 2006 и 2012 гг., ряд заказных убийств 2004 – 2009 гг., а также признанная на самом высоком государственном уровне коррупция, в своей совокупности чуть не привели страну на грань распада.

Вместе с тем, существующие уголовно-правовые нормы, направленные на противодействие различным видам преступности, практика правоприменения и предпринимаемые меры предупреждения не всегда

способствуют стабилизации ситуации. Одной из причин этого является недостаточный уровень прогностической деятельности в данной сфере, что проявляется в использовании преимущественно метода «проб и ошибок».

Новая криминологическая ситуация требует применения современных приемов управления процессами противодействия преступности, одним из которых является комплексное прогнозирование, включающее в свое содержание уголовно-правовое и криминологическое прогнозирование. Анализ преступности и мер противодействия ей свидетельствует о том, что сфера уголовной политики в стране нуждается в новых приемах и методах разработки эффективных решений социально-правовых проблем, в том числе и с помощью их прогнозирования. В свою очередь, различные виды прогнозирования в сфере противодействия преступности должны осуществляться во взаимосвязи, комплексно и систематически охватывая в своей предметной области анализ преступности, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, практики их применения, а также уголовной политики, с последующим планированием реализации этих прогнозов в общественные отношения, социальное поведение общества, общественных групп и, по возможности, личности.

Необходимо отметить, что проблема прогнозирования как уголовно-правового, так и криминологического применительно к сфере преступности в Кыргызской Республике не рассматривались. Эти обстоятельства обуславливают научную и практическую актуальность темы и необходимость ее исследования.

Связь темы диссертации с крупными научными программами (проектами) и основными научно-исследовательскими работами.

Диссертационная работа является инициативной.

Общая цель исследования - обоснование необходимости широкого применения уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности.

Частная цель - анализ состояния использования прогностической функции в деятельности соответствующих правоохранительных и правоприменительных органов.

Достижение указанной цели предполагается путем реализации следующих исследуемых **задач**:

- определение понятия и предмета уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности;

- раскрытие методологических основ уголовно-правового и криминологического прогнозирования в сфере противодействия преступности;

- исследование практики применения прогностической функции;

- подготовка предложений по совершенствованию уголовного законодательства и уголовной политики противодействия преступности.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с предвидением потребности общества в уголовно-правовом регулировании общественных отношений в сфере противодействия преступности, предвидением последствий изменения уголовного законодательства и уголовной политики, предвидением эффективности уголовно-правовых норм в процессе правотворчества и правореализационной деятельности.

Предмет исследования - соответствующее действующее уголовное законодательство Кыргызской Республики и зарубежных стран, практика применения уголовно-правовых норм, предупреждение преступности, юридическая литература по вопросам криминологического и уголовно-

правового прогнозирования, состояние прогностической работы в сфере противодействия преступности.

Методологию исследования составляют основные положения материалистической диалектики:

- частнонаучные методы сравнительного правоведения, исторического, системного анализа;
- статистические и социологические методы исследования;
- документальный метод, метод опроса, экспертный метод;
- критический анализ и обобщение соответствующей юридической литературы.

Использование основных положений диалектической теории познания, позволяют изучить во взаимосвязи комплекс элементов, образующих предмет исследования. В исследовании использованы работы отечественных и зарубежных ученых по философии, теории права, уголовного права, криминологии и другим отраслям науки, относящихся к проблеме исследования.

Научная новизна исследования заключается в том, что в работе впервые предпринимается попытка комплексного изучения проблем криминологического и уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности в Кыргызской Республике. Достоверность исследования обеспечивается ее методологией.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Понятие комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности, определяемое как разновидность научного предвидения, основанного на синергизме криминологического и уголовно-правового прогноза, представляющей собой осуществляемую на систематической

основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовной политики и будущего состояния преступности.

2. Тезис о том, что криминологическая обстановка и уголовная политика государства, включающая концептуальную, нормативную, программную и правоприменительную составляющие, являются основными объектами комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности. Анализ основных криминогенных факторов, среди которых следует выделить продолжающуюся маргинализацию общества, ухудшение социально-экономических показателей жизни населения, неустойчивость институтов государственной власти, ее высокая степень пораженности коррупцией, кризис и неэффективность системы уголовной юстиции не позволяют представить оптимистичный вариант прогноза криминальной ситуации на краткосрочную и среднесрочную перспективы.

3. Анализ современного состояния прогнозирования в сфере противодействия преступности приводит к выводу об отсутствии системности, продуманности и редкости прогнозной составляющей процессов разработки и принятия управленческих решений в сфере противодействия преступности, включая правотворчество в сфере уголовной политики.

4. Вывод о том, что опережающий прогноз в сфере противодействия преступности является необходимым условием эффективности мер противодействия в рамках научно-обоснованной уголовной политики государства. Надлежащий уголовно-правовой и криминологический прогноз является основой планирования и программирования противодействия преступности, гарантом разработки оптимальной стратегии минимизации преступности, перспективных направлений и концептуальных моделей противодействия преступности.

5. Обоснование необходимости более активного использования прогностической функции в теории и практике противодействия преступности, актуальности формирования соответствующего прогнозного мышления сотрудников правоохранительных органов.

6. Рекомендации об обязательном учете прогнозной информации в правотворчестве как требования при разработке и принятии законодательства в сфере противодействия преступности. Обоснование недопустимости экспериментирования в уголовно-правовой политике. Предложения по криминализации или декриминализации следует рассматривать как непосредственный результат уголовно-правового и криминологического прогноза.

Личный вклад соискателя состоит в том, что основные научные результаты диссертационного исследования получены лично автором. Положения, выносимые на защиту, разработаны диссертантом единолично.

Практическое значение исследования заключается в том, что разработанные предложения могут быть использованы при совершенствовании действующего уголовного законодательства и практики его применения. Результаты исследования позволят восполнить пробел в теории уголовного права в исследовании вопросов, связанных с уголовно-правовым и криминологическим прогнозированием в сфере противодействия преступности и выступают теоретическим обоснованием необходимости широкого внедрения научно-обоснованной прогностической функции в деятельность соответствующих правоохранительных и правоприменительных органов государства.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается также в том, что результаты могут использоваться:

- в научно-исследовательской деятельности по проблемам противодействия преступности;

- в учебном процессе высших и средних учебных заведений при преподавании курса уголовного права и криминологии, а также при подготовке лекций и учебных пособий по проблемам, связанных с противодействием преступности.

Апробация и внедрение результатов исследования. Диссертация выполнена и обсуждена на заседании кафедры специальных юридических дисциплин департамента прав Чуйского университета. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях отдела права института философии и политико-правовых исследований Национальной академии наук Кыргызской Республики, кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Кыргызско-Российского Славянского Университета. Основные результаты проведенного исследования нашли отражение в восьми опубликованных автором научных работах.

Основные положения диссертации были доложены на научно-практических конференциях, в частности: «65 лет Великой Победе: связь с поколением» (Бишкек, 2010); «Гуманизация пенитенциарной политики Кыргызстана» (Бишкек, 2011).

Внедрение результатов диссертационного исследования в учебный процесс и практическую деятельность подтверждены актами, выданными Юридическим институтом при КНУ им. Ж. Баласагына и ГУУР МВД КР.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях. Основные выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, опубликованы в 8 научных статьях (общим объемом 3,5 п.л.):

1. Место юридической социологии в становлении основ прогнозирования преступности [Текст] / К.К. Атабеков // Социальные и гуманитарные науки. – Бишкек. - 2010. – № 3-4. – С.55-57.
2. История развития теорий прогноза преступлений [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Наука и новые технологии. – Бишкек. - 2011. – № 2. – С.229 - 231.
3. Основные методы прогнозирования административных правонарушений и преступлений [Текст] / К.К. Атабеков // Эл агартуу. – Бишкек. - 2011. - № 5-6. - С.72-77.
4. Проблемы и особенности индивидуальной профилактики преступлений [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Научные труды «Адилет» Каспийского общественного университета. – Алматы. - 2011. - № 3. - С.74-77.
5. Предупреждение административных правонарушений и преступлений в Кыргызской Республике [Текст] / К.К. Атабеков // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына: Сер.5: вып. 4. ест. и гум. науки. – Бишкек. - 2010. – С.596-598.
6. Актуальные проблемы профилактики административных правонарушений [Текст] / К.К. Атабеков // Научные труды «Адилет» Каспийского общественного университета. – Алматы. - 2011. - № 4. - С.50-53.
7. Проблемы обеспечения транспортной безопасности в Кыргызской Республике [Текст] / К.К. Атабеков, А.Ж. Жээналиева // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына: Спец. вып. ISBN 9967-21533x. – Бишкек. - 2011. – С.563-565.
8. Особенности гуманизации наказаний за преступления в сфере транспорта [Текст] / К.К. Атабеков // Известия ВУЗов. - Бишкек. 2011. – № 1. – С.198-200.

Структура и объем диссертации определены целью и задачами исследования. Она состоит из введения, трех глав, содержащих шесть разделов, заключения и библиографического списка использованных нормативных источников и литературы.

Глава 1. Понятие и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности

§ 1. Понятие, предмет и значение комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности

Стремление человека проникнуть мысленным взором в будущее постоянно развивалось, но развивалось оно до определенного этапа главным образом либо в плане религиозных учений, либо в виде утопических представлений. В наши дни прогнозирование стало основной функцией науки и без него любая наука ограничивает как свои теоретико-познавательные, конструктивно преобразующие способности, так и возможности в своих практических рекомендациях [1, с.3]. Наука только тогда может быть плодотворной, когда в ней в полной мере раскрывается её прогностическая функция.

В научной литературе предвидение определяется как свойство мозга отражать действительность, опережая события. Обычно оно сопряжено с появлением какого-либо события или процесса, но точное время появления их предвидение не указывает. В связи с этим для более точного предсказания событий и процессов существует термин – прогноз. Под прогнозом понимается научно-обоснованное суждение о возможных событиях объекта в будущем и об альтернативных путях их осуществления [2, с.7].

Роль предвидения как инструмента познания объективно возрастает в современном мире, когда преобразующая деятельность человека достигла таких масштабов и интенсивности, что грозит выйти из-под контроля. Без тщательной прогностической экспертизы принятие любого социально важного решения чревато неожиданными осложнениями, а значит,

неоправданными материальными, людскими и временными потерями [7, с.34].

В широком смысле слова понятие прогноза разграничивается и как деятельность, и как процесс, и как результат и как основной элемент любой отрасли социально-правового регулирования.

Период 60-70-х гг. прошлого века ознаменовался научными исследованиями в области прогнозирования [2,3,4,5,6], а затем и созданием отечественной прогностики как отрасли прогнозного знания [2, с.7]. В это же время наблюдается проникновение прогностических идей в правовые отрасли науки, в том числе в криминологию и уголовное право. Такие ученые криминологи как В.Н. Кудрявцев, В.В. Панкратов, Р.А. Сафаров, Н.Ф. Кузнецова, Н.Н. Кондрашков, Г.А. Аванесов, С.В. Бородин, А.Б. Венгеров, С.Е. Вицин, О.А. Гаврилов, А.М. Шахов, М.Д. Шаргородский проявили особую заинтересованность в создании теоретических основ криминологического прогнозирования. «Прогноз в масштабе страны – инструмент стратегии, уголовной политики государства», - утверждал проф. Г.А. Аванесов.

Прогнозирование, - пишет Г.А. Аванесов, - это своеобразный инструмент, с помощью которого можно составить оптимальный и эффективный перспективный план, направленный на то, чтобы система мер борьбы с преступностью (цели, средства, методы и т.д.) и её внутренняя координация соответствовали интересам и потребностям не только настоящего, но и будущего [8,с.4]. Далее он отмечает, что - это процесс научного предсказания будущего состояния прогнозируемого объекта на основе анализа его прошлого и настоящего, систематическое получение научно обоснованной информации относительно перспективного периода.

Преступность оказывает определенное влияние на право в целом и на отдельные его отрасли – уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно - политическое и т.д. В связи с этим, основная задача футурологических исследований, проводимых с целью разработки прогнозов борьбы с преступностью, заключается в выявлении возможных условий эффективности правового регулирования, результативности общественного действия права. Следовательно, прогностика должна исследовать пути, изучать и предсказывать средства и методы, позволяющие предвидеть общественные последствия, которые может вызвать реализация тех или иных организационно-правовых актов [9, с.200-201].

Практическая ценность прогнозирования состоит в том, что оно готовит научную базу для принятия решений и разработки конкретных мер, ориентированных на обеспечение рациональной деятельности государственных органов по борьбе с преступностью [8,с.20].

Ученые-криминологи Г.М. Миньковский, А.Э. Жалинский создали теоретическую и практическую базу для квалифицированных криминологических прогнозов [10,11]. Параллельно научным исследованиям в области криминологической прогностики аналогичная работа велась в уголовном праве.

Впервые идею о создании уголовно-правовой прогностики высказал М.П. Клейменов. В 1991 г. им были осуществлены научные исследования, которые определили возможности и задачи прогнозирования в уголовном праве.

По мнению М.П. Клейменова, уголовное право лишено возможности претендовать на статус "законченной науки", не уделяя внимания разработке и воплощению своей прогностической функции. Проблемы уголовного права

в таком случае как бы повисают в воздухе: они утрачивают как историческую почву, так и перспективу [12,с.7].

Уголовно-правовое прогнозирование - это деятельность, целью которой является не только совершенствование уголовного законодательства, но и практики его применения. Уголовно-правовое прогнозирование борьбы с преступностью позволяет системно увидеть перспективы развития уголовного законодательства и преступности, определять нужные направления борьбы с антиобщественными посягательствами, учитывая комплекс общесоциальных, криминогенных и антикриминогенных факторов.

Изучение научной литературы приводит к выводу, что задачей криминологического прогнозирования является определение возможных количественных и качественных изменений преступности. В отличие от уголовно-правового прогнозирования криминологическое прогнозирование заключается в прогнозировании преступности с учетом всех ее внутренних и внешних связей; прогнозировании развития системы органов, осуществляющих борьбу с преступностью; предвидении результатов работы органов, осуществляющих борьбу с преступностью, рассчитанной на перспективу; прогнозировании перспектив развития самих прогностических исследований, масштабов и темпов этой работы [8; 13,с.76-81; 14, с.36-89].

Два этих вида прогнозирования тесно связаны друг с другом. При организации криминологического прогнозирования важно знать позицию законодательных органов относительно того, какие деяния могут быть признаны в будущем преступлениями и какие, напротив, могут быть признаны непроступными. В свою очередь для законодательных органов представляют значительный интерес данные криминологического прогноза. Оценивая уровень, структуру, динамику и другие характеристики преступности в позиций настоящего и будущего, законодательные органы в

необходимых случаях вносят изменения в уголовное законодательство, чтобы оно всегда было эффективным орудием борьбы с правонарушителями. Если прогноз развития уголовного законодательства является основой успешного криминологического прогнозирования, то прогноз преступности – это важнейшая информация, без которой не обойтись законодательным органам при определении перспектив развития законодательства.

Собственно говоря, даже тогда, когда используются термины «криминологическое», «уголовно-правовое» или иное видовое прогнозирование речь всегда идет о комплексном прогнозировании в сфере борьбы с преступностью, т.к. в любом случае прогнозируется во взаимосвязи обширный круг социально-правовых явлений. Это и направления развития преступности, и тенденции борьбы с ней; возможности уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического воздействия на нее; и, наконец, это результативность предупредительной и репрессивной практики. А оценка последней, как известно, компетенция уголовной политики и уголовно-политического прогнозирования. Таким образом, как справедливо считал Г.М. Миньковский, речь идет фактически о комплексном прогнозе борьбы с преступностью включающем в свою предметную сферу основные элементы криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического прогнозирования [10,с.14]. Такое объединение видовых прогнозов обусловлено, прежде всего, современными потребностями юридической практики, т.е. переводом имеющихся разрозненных теоретических положений юридической прогностики в плоскость комплексного практического их применения в сфере борьбы с преступностью.

А.И. Коробеев также подчеркивает комплексность и взаимосвязь криминологического и уголовно-правового прогнозирования, указывая, что

результаты криминологического прогнозирования, нацеленного на получение сведений о будущем состоянии преступности, одновременно представляют возможность для разработки соответствующих корректив в уголовном законодательстве [15, с.97]. М.П. Клейменов, в своих рассуждениях идет еще дальше, утверждая, что слитность криминологического и уголовно-правового прогнозирования заложена генетически, поскольку уголовно-правовые нормы есть законодательная реакция общества на опасные социальные отклонения [12, с.29].

Определенная взаимосвязь наблюдается между уголовно-правовой футурологией и криминалистическим прогнозированием. Криминалистическое прогнозирование способствует совершенствованию методик обнаружения и фиксации фактических данных, характеризующих объективную сторону преступления, причин и условий их совершения. Этот вид предвидения стимулирует разработку перспективных организационно-технических и тактических средств защиты личности, имущества и иных объектов уголовно-правовой охраны. Можно сказать, что если уголовно-правовое и криминологическое прогнозирование отвечает стратегическим задачам борьбы с преступностью, тогда как криминалистическое – тактическим [16, с.9].

Между указанными видами юридического прогнозирования, существуют связи прямые и обратные, непосредственные и опосредованные. Эти связи усложняются либо упрощаются по мере развития общественных отношений. Из приведенных выше точек зрения видно, что “чистого” отраслевого прогнозирования не бывает. Все виды социально-правового предвидения пересекаются, зависят друг от друга и соотносятся друг с другом. Данный факт не отрицают практически все юристы, исследующие проблемы прогностики. Они подчеркивают, что взаимодействие

рассматриваемых видов юридического прогнозирования особенно заметно в реальной обстановке: при анализе конкретных объектов предвидения [12, с.35], в частности, при квалификации преступлений [17], в деятельности следователя [18] и суда [19].

Как справедливо заметил Ю.К. Якимович: “Многие тенденции правореализации могут быть выявлены, а установленные правильно объяснены и экстраполированы в будущее только в случае согласования результатов предвидения в рассматриваемых областях юридического прогнозирования” [20, с.39-40].

Анализ состояния преступности свидетельствует о том, что сфера противодействия ей в стране нуждается в новых приемах и методах разработки эффективных решений социально-правовых проблем, в том числе и с помощью их прогнозирования. Опережение возможного развития ситуации в противодействии преступности позволяет наиболее точно определять цели и задачи этой борьбы, их соотношение и приоритеты, устанавливать необходимые и интенсивные превентивные меры уголовно-правового воздействия. Такой опережающий анализ развития криминологической обстановки всегда имеет форму прогноза, то есть вероятного суждения о тенденциях, темпах, количественных и качественных характеристиках этого развития, исходя из связей прошлого, настоящего и будущего [21, с.179]. Меры по борьбе с преступностью всегда должны носить упреждающий характер. И эти меры должны быть максимально эффективными, следовательно, научно обоснованными, прежде всего с прогностической точки зрения.

Исходя из вышеприведенных определений понятие уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности можно представить как разновидность научного предвидения, необходимое средство уголовно-

правовой политики, осуществляемую на систематической основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовно-правовой практики противодействия преступности.

По мнению Клейменова М.П. предмет уголовно-правового прогнозирования в рамках уголовно-правовой футурологии сводится к прогнозу перспектив развития явлений, изучаемых наукой уголовного права:

- а) нормотворческая и правоприменительная деятельность;
- б) уголовный закон, его социальная обусловленность и эффективность;
- в) проблемы совершенствования уголовного законодательства, практика его применения;
- г) уголовно-правовая концепция и доктрина, в том числе и различных правовых систем и государств [12, с.15-16].

По нашему мнению, к предмету уголовно-правового прогнозирования в сфере противодействия преступности следует отнести:

- а) предвидение потребностей общества в уголовно-правовом регулировании общественных отношений, связанных с преступностью;
- б) предвидение развития уголовного законодательства;
- в) предвидение последствий изменений антикриминального законодательства: уголовно-правовые, криминологические, уголовно-процессуальные, пенитенциарные, экономические, социально-демографические, социокультурные, социально-психологические последствия;
- г) предвидение эффективности уголовно-правовых норм в контексте реализации практической уголовной политики в сфере противодействия преступности

В предмете уголовно-правового прогнозирования борьбы с преступностью особое место занимает предвидение правоприменительной

деятельности органов государственной власти через призму правореализации и ее эффективности. Самое сложное в любой деятельности, в т.ч. и прогностической - это определить критерии эффективности этой деятельности.

Необходимо отметить, что любые серьезные управленческие решения в сфере противодействия преступности, в первую очередь нормотворческие, требуют достаточно длительного прогнозного анализа.

К сожалению, практические рекомендации футурологов по данной проблеме могут и игнорироваться руководителями правоохранительных структур, например, в силу инерционности и консервативности мышления, а также по другим причинам.

Прогноз реализации права, правоприменительной деятельности, уголовной политики строится, в первую очередь, на основе анализа действующего законодательства и текущей практики его применения, а также выполнения положений существующей политики государства в сфере борьбы с преступностью. Здесь интегрируются отдельные положения и направления разработки криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического прогнозов. Такая интеграция означает качественно новый уровень предвидения, в ходе которого осуществляется прогнозирование вновь принимаемых правовых норм и уже действующих с целью определить перспективу применения законов. Тут же выявляются так называемые “мертвые” нормы, определяется “пропускная способность” системы уголовной юстиции, наличие сил и средств для реального применения законов, их ресурсное обеспечение [22, с.12].

Уголовное законодательство, как и любое другое законодательство, характеризуется не только устойчивостью, но и изменчивостью, т.к. с развитием общества, общественных явлений оно изменяется, вернее,

изменяется круг деяний, которые считаются преступлениями [23, с.63]. На разных этапах развития общества уголовное законодательство претерпевает изменения в связи с изменениями в социальной жизни общества, в политике, в области борьбы с преступностью и т.д. Поэтому проблема законодательного прогнозирования должна решаться на основе использования устоявшихся и новейших прогностических методик, которые и обеспечат внутреннюю взаимосвязь законодательного прогнозирования в системе комплексного предвидения борьбы с преступностью. Например, выявление, а затем и познание при прогнозном исследовании эффективности действия существующих активно применяющихся, фактически не действующих, зарождающихся уголовно-правовых норм представляет наибольшую сложность, но и необходимость в процессе прогнозирования.

Основным элементом предмета уголовно-правового прогнозирования будет являться предвидение проблем законодательного регулирования борьбы с преступностью, в т.ч. прогнозирование развития уголовного закона, его системы, составных частей, институтов и норм. Предвидение изменений и дополнений законодательства, системное прослеживание всей их цепочки в отраслевом, межотраслевом, региональном масштабах, необходимость которых вытекает, например, из новеллы, внесенной в какой-либо закон, не исключают, а предполагают анализ и использование возможностей действующего законодательства в обнаруженных проблемных ситуациях, обучение правоприменителя такому использованию. Прогноз изменений и дополнений в закон должен строиться при наличии, как минимум, трех условий: 1) когда выявлена социальная потребность в этих изменениях (например, обнаружившихся трудностях борьбы с новыми видами опасных деяний); 2) когда дана экспертная оценка возможности решить обнаруженную проблемную ситуацию правовыми средствами (избыточные

правовые запреты или необоснованная их отмена дискредитирует политику борьбы с преступностью, порождают правовой нигилизм населения); 3) когда установлена невозможность адекватного решения “проблемной ситуации” в рамках действующего права.

Что же касается предвидения развития уголовного законодательства, то здесь прогнозирование наиболее тесно увязывается с задачами уголовного права, их реализацией [24], с логико-языковыми феноменами и идеальными объектами: анализом языка уголовного закона, правилами конструирования его статей, последовательности логики их содержания по отношению друг к другу, формулированием диспозиций различных составов и т.д. В данном случае роль прогнозирования будет заключаться в том, чтобы помочь избежать оценочных определений в конструкциях составов преступлений, точнее в их диспозициях, сформулировать реальные санкции и сконструировать их строгую иерархическую систему, избежать ненужной конкуренции норм (между нормами Особенной части, между нормами Общей и Особенной части и между нормами Общей части), а также правовых коллизий, согласовать содержание разно объектовых уголовно-правовых установлений, избежать их дублирование друг другом.

Еще одним элементом, входящим в рассматриваемую предметную область относится предвидение последствий криминализации и декриминализации, пенализации и депенализации, т.е. последствий целенаправленного дифференцированного воздействия на преступность в рамках осуществляемой уголовной политики и связанных с организацией деятельности органов уголовной юстиции [25, с.26].

В книге "Криминология" под редакцией Н.А. Стручкова, обращается внимание на то, что при прогнозировании преступности как массового социально-правового явления важное значение нужно придавать

предвидению факторов, вызывающих нарушения, предусмотренные нормами уголовного законодательства, которые, в свою очередь, специфическим образом отражают теоретические и методологические установки криминологического прогнозирования.

Иными словами, в структуру последствий прогноза входит целый блок тесно взаимосвязанных явлений, каждый из которых является самостоятельным элементом общего понятия предмета уголовно-правовой футурологии: а) криминологические последствия - это предполагаемые изменения в динамике, структуре, общественной опасности преступности и преступления; уровень латентности данного вида посягательства при введении или усилении уголовной ответственности; распространенность определенных действий при смягчении наказания за деяние и исключение его из круга преступных; б) уголовно-правовые последствия прогнозов - это увеличение или изменение показателя судимости; возрастание или снижение предупредительной роли уголовного закона; в какой степени и каким образом будет проявляться регулятивная функция уголовно-правовой нормы; в) пенитенциарные последствия прогнозов - это изменение соотношения видов наказаний и, соответственно, наполняемости мест лишения свободы; возможности трудовой и иной полезной занятости осужденных с учетом их квалификации; динамика типологических признаков личности осужденных; изменение социальных характеристик личности преступника, динамики его типов; изменения характеристик объектов социальной профилактики; г) уголовно-политические последствия прогнозирования - это ожидаемое воздействие правовых установлений на ситуацию в сфере борьбы с преступностью; надлежащая либо не надлежащая эффективность правового регулирования борьбы с преступностью; социальный контроль над преступностью и право-применение.

К последствиям прогнозирования, наряду с вышеперечисленными, некоторые ученые относят и иные последствия. Например, М.П. Клейменов, говоря о последствиях прогноза изменения уголовного законодательства, совершенно справедливо дополняет эту группу такими последствиями, как политические, экономические, социально-демографические, социокультурные, социально-психологические и др. [12, с.10-12]. Их можно дополнить, в свою очередь, и такими последствиями, как медицинские, психологические, психические, педагогические и иные, требующие для своего решения, опять же, комплексного использования достижений различных отраслей знаний.

В свете сказанного становится понятным все большее усиление внимания к известным криминологическому и уголовно-правовому прогнозированию с точки зрения расширения их предметных границ. Именно такой подход помогает определять не только перспективные направления развития законодательной и правоприменительной деятельности, но и их концепцию, приоритеты, стратегию организации борьбы с преступностью, а также учитывать общие и региональные тенденции социально-правовых явлений, с которыми она проводится.

Предложенное понятие современной преступности сразу обращает внимание на тот факт, что существующие прогнозные концепции и приоритеты требуют некоторой корректировки. Прежде всего, они должны объединять криминологическое, уголовно-правовое, пенитенциарное, уголовно-политическое содержание и направление прогнозов, отражать и аккумулировать в себе целый комплекс социальных факторов, определяющих их цели, принципы, стратегию, основные ориентиры и формы реализации. В этой связи к исследуемому предмету следует отнести, прежде, процесс разработки уголовно-правовой концепции борьбы с преступностью

и, как нам представляется, кардинально изменить отношение и подходы к криминогенным детерминантам. Даже при беглом анализе существующих в криминологической науке подходов к изучению причинности и детерминации преступности видно, что основной упор делается на исследование негативных факторов воздействующих на личность преступника, а также характеристик причинно связанных с преступлением и совсем упускаются из вида факторы положительные. Воздействие на эти факторы, влияющие позитивно не только на криминогенные процессы, но и на широкий спектр социально-правовых явлений, на наш взгляд, не менее значимо в деле борьбы с преступностью, если не сказать больше.

В свете изложенного можно констатировать, что, по-видимому, в прогнозировании не достаточно анализировать и оценивать только состояние социально-правовых явлений по некоторой выделенной системе количественно-качественных показателей, соотнесенных в определенной подсистемной структуре. Здесь необходимо охватывать прогнозом в комплексе внешние и внутренние, вертикальные и горизонтальные, а также промежуточные между связи этих явлений, и, прежде всего их воздействие друг на друга, а главное – на личные и общественные интересы, блага, в целом общественные отношения.

Иными словами, в ходе комплексного прогнозирования следует решительно выходить за рамки исследования, в том числе и исследования причинных связей, так как на эффективность борьбы с преступностью интенсивное детерминирующее воздействие оказывают процессы и связи, не укладывающиеся в рамки причинных, тем более криминогенных причинных связей.

Включение в предметную область комплексного прогнозирования концепции борьбы с преступностью с теми замечаниями, на которые мы

обратили внимание выше, требуют учитывать, по меньшей мере, три основных момента: иерархический, динамический и интегративно-целостный.

Особенность комплексного подхода в данном случае заключается в том, что три вышеназванных момента должны отражаться в концепции будущего одновременно. В конечном итоге такая концепция будет содержать характеристику глубоких связей общественных отношений складывающихся в сфере борьбы с преступностью с реально существующими производственно-экономическими отношениями, а также социально-правовыми, политическими, демографическими и иными факторами и процессами.

Именно такой подход к концепции борьбы с преступностью позволяет включить в предмет уголовно-правовой футурологии и некоторые другие, не менее важные и необходимые элементы перспективного характера. И следующим таким элементом рассматриваемой предметной области, причем материальным в тесном смысле этого слова, будет являться предвидение потребностей общества и государства в необходимом и достаточном правовом регулировании общественных отношений в сфере борьбы с преступностью в т.ч. прогноз их развития, динамики и качества изменений. В его основе лежит оценка социально-правовых явлений и преступного в частности как своеобразной регулирующей функции общества, чье содержание и механизм действия для юридической науки и практики еще не совсем ясны, но в рамках рассматриваемого нами подхода к предмету прогностики уже достаточно отчетливо просматриваются.

Названный элемент взаимодействия общества и преступного, как отмечают ученые, полезен для анализа «поведения» государств переходного периода и их правящих элит.

В такие моменты жизни общества зачастую коренным образом меняются социально-правовые, морально-нравственные, уголовно-политические и иные ценностные ориентиры. Культура и ментальность народов перемешивается с субкультурными «издержками» различных социально-психологических групп (слэнг, жаргон, интересы, блага и т.д.). В новом порядке экономических отношений используются криминальные и суррогатные элементы. Государственное строительство, власть, политическая элита и организованная преступность тесно соприкасаются при выполнении ими определенных социальных функций и порой представляют собой «профиль» друг друга. Одновременно декларирование борьбы с преступностью дополняется явными и скрытыми отношениями противоположной направленности. То, что традиционно считалось асоциальным, преступным, отклонением от нормы, перестает считаться таковым, и наоборот. Способ организации, управления и принятия решений в сфере уголовной политики приобретают оттенок конформизма и т.д.

Таким образом, данная часть предметной области прогнозирования в настоящее время является наиболее актуальной, а постановка и решение проблемы взаимодействия общества и преступности в переходный период становится все более существенным фактором государственной деятельности в сфере противодействия преступности. Последнее обстоятельство связано с рядом объективных и субъективных причин. Во-первых, в период перехода общества от одного состояния к другому неизбежен рост преступности, а, следовательно, усиление внимания граждан и органов власти к этой проблеме. Во-вторых, во время перехода общества от одного уровня к другому значительные изменения претерпевают не только количественные, но и качественные характеристики преступности: появляются и распространяются ее новые виды, представляющие повышенную

общественную опасность. В-третьих, органы, осуществляющие борьбу с преступностью и органы политического руководства страны, все более осознают недостаточность и неэффективность использования в борьбе с преступностью традиционных подходов, связанных с переносом центра тяжести решений на тактический уровень, с использованием метода "проб и ошибок", реагированием на новые криминогенные факторы уже после того, как они набрали силу [26, с.5].

Прогнозирование так называемого материального уголовного права предполагает знание перспектив развития соответствующего процедурного права. В частности, научное предвидение в сфере уголовного процесса способно представить нужную прогностическую информацию для уголовного, уголовно-исполнительного права и уголовной политики, т.к. их объединяет одна задача – борьба с преступностью.

Вышеназванные виды прогнозирования способны в полной мере воплотиться в реальный комплексный прогноз при условии параллельного научного предвидения уголовно – процессуальных отношений, связанных, в первую очередь, с формализацией деятельности соответствующих правоохранительных органов, что напрямую соотносится с организацией и управлением борьбы с преступностью, являющейся важной частью комплексного прогнозирования. Сферой их общего интереса выступают также правоотношения, связанные с процессуальным нормотворчеством и правоприменительной деятельностью органов дознания, следствия, прокуратуры, суда и адвокатуры по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений и нейтрализацией их.

Предмет уголовно - процессуального прогнозирования, исходя из содержания уголовно–процессуального права, можно обозначить как предвидение изменения норм этой отрасли права, тенденций процессуальной

деятельности правоприменительных органов, закономерностей развития уголовно-процессуальных отношений, возникающих между их субъектами и участниками [27, с.6; 28].

Исходя из предметов комплексного прогнозирования борьбы с преступностью и уголовно-процессуального прогнозирования можно выделить три основных направления их взаимодействия:

1) при разработке концепций и приоритетов борьбы с преступностью;

2) при прогнозировании уголовно-правовых норм и институтов анализируется и изучается их процессуальное обеспечение. Недопустим разрыв материальной уголовно-правовой нормы и обеспечивающей ее уголовно-процессуальной нормы;

3) векторы комплексных прогнозов борьбы с преступностью и уголовно-процессуального предвидения сходятся в плоскости юридической практики борьбы с преступностью.

Криминологический прогноз позволяет определить тенденции в структуре и динамике преступности, некоторых видов преступлений, что позволяет наметить главным образом стратегические направления борьбы с преступностью.

Выделим в этой связи исследовательские направления, которые представляются комплексными, приоритетными и одновременно соотносятся с другими научными исследованиями.

1. Требуют однозначного определения: а) место уголовно-политического прогнозирования, как и самой уголовной политики, в системе государственной политики как крупномасштабного направления деятельности государства; б) цели, задачи адекватные способы, средства и формы борьбы с преступностью в современном периоде. В этом плане с помощью комплексных прогнозов можно определить, в частности, какие

ценности будут охраняться государством в будущем от преступных посягательств, какие действия (бездействия), с точки зрения государства, будут представляться социально опасными, а значит - уголовно наказуемыми. Однако получение таких прогнозов потребует глубокого анализа проблем не только права, но и социально-политических проблем. При этом оптимальным было бы исходить из обеспечивающего характера уголовно-политического прогнозирования. То есть из того, что данный вид прогнозирования призван предугадывать создание наилучших условий для реализации целей и задач уголовной политики, а также других направлений государственной политики: экономической, социальной и т.д.

2. Базовый характер имеет разработка и прогноз конституционных основ пенитенциарной и уголовной политики, которая при реализации обеспечит приведение их ориентиров и средств в соответствии с новой системой правовых и нравственных ценностей. При этом хотелось бы предостеречь от уже обозначившейся методологической ошибки, когда значимость охраны личности, с одной стороны, общества и государства – с другой, изолируются друг от друга или даже противопоставляются. В этой связи, правильной представляется трактовка защиты личности, общества и государства как внутренне взаимосвязанных и взаимоподкрепляющих аспектов правоохранительной деятельности.

3. Необходимо согласовать существующие правовые принципы во всех отраслях права, в юридическом прогнозировании и в.ч. уголовно-правовой футурологии исходя из того, что: 1) смысл правовых мер борьбы с преступностью состоит в восстановлении социальной справедливости, нарушенной преступлением, иными словами, требования уголовно-правовых принципов необходимо адресовать не только к преступнику, но и защите потерпевших; 2) экономия репрессии не является самоцелью, здесь должно

действовать требование разумной достаточности и целесообразности с точки зрения обеспечения общественной безопасности, предупреждения преступлений, создания предпосылок к социальной адаптации преступников.

4. Представляется своевременным начать прогнозировать возможный комплекс решений по реорганизации и усилению правоохранительных органов, их аналитической и штабной работы с тем, чтобы ориентироваться на стратегические решения, опережающие развитие ситуации в пределах от одного года до трех лет. В свою очередь, уголовно-правовая футурология предполагает специализированную подготовку и переподготовку аналитиков и футурологов, а также существенное совершенствование информационного поля для соответствующих комплексных прогнозов борьбы с преступностью.

5. Приоритетным направлением комплексного прогнозирования являются методология и методика слежения за ситуацией (мониторинг) в сфере борьбы с преступностью, содержание которых на концептуальном уровне представляют разработки: а) организационных начал такого слежения, которое должно осуществляться постоянно и профессионально; б) структурной и содержательной характеристики социальной, криминальной и “фоновой” информации, необходимой и достаточной для надежной оценки состояния и тенденций развития обстановки в сфере борьбы с преступностью; в) комплекса виктимологических проблем как предмета исследований в теории уголовной политики. Надо иметь в виду, что некоторые аспекты этой проблематики являются пограничными с вопросами конституционного права (традиционная ориентация на права и законные интересы обвиняемого при всей ее важности требует столь же интенсивной ориентации на права и законные интересы потерпевшего).

6. Важным и в тоже время проблематичным направлением прогностики является прогнозирование специфических средств и способов управления борьбы с преступностью с помощью правовых мер. Речь идет, во-первых, о предмете управления, каковым является профилактическая, уголовно-исполнительная практика и, во-вторых, об обеспечении взаимодействия сложившейся системы субъектов, воздействующих на преступность.

В настоящее время прогностические исследования в рамках юридической науки связаны не только с правовыми вопросами, но и с социально-правовым прогнозированием, предвидением развития политики, которая занимает, к сожалению, доминирующее положение по отношению к праву. Здесь речь идет по существу о трех основных аспектах комплексного прогнозирования борьбы с преступностью: 1) предвидение тех будущих изменений в жизни общества, которые потребуют изменения правовой надстройки; 2) предвидение развития самой правовой надстройки как определенной саморазвивающейся системы; 3) предвидение социальных результатов принятия новых законов, то есть оценка их предполагаемой эффективности [29, С.24-27].

Эти направления тесно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому комплексное прогнозирование борьбы с преступностью, в свою очередь, связано с юридическим (правовым) прогнозированием непосредственно, а также через связь с предвидением в области политических, экономических, социальных и некоторых других явлений. Например, изменения, происходящие в области экономических отношений, обуславливают соответствующие изменения в правовой системе и наоборот. Преступность оказывает определенное влияние на право в целом и на отдельные его отрасли – уголовное, уголовно-исполнительное, уголовно - политическое и т.д. В связи с этим, основная задача футурологических исследований,

проводимых с целью разработки комплексных прогнозов борьбы с преступностью, заключается в выявлении возможных условий эффективности правового регулирования, результативности общественного действия права. Следовательно, прогностика должна исследовать пути, изучать и предсказывать средства и методы, позволяющие предвидеть общественные последствия, которые может вызвать реализация тех или иных организационно-правовых актов [9,с.200-201]. Представляется, что и здесь можно установить взаимосвязь социально-правовой проблемы с уголовно-правовой футурологией, поскольку общественные последствия реализации правовых актов так или иначе связаны с действиями людей и их поступками. Отсюда вытекает, что результаты прогнозирования борьбы с преступностью будут неполными (ограниченными) без обращения к данным политического и экономического предвидения. Поэтому для комплексного прогнозирования большое значение имеет предвидение менталитетов, целей и ценностей общества в обозримом будущем, предполагаемый уровень социальной дифференциации, расслоения и конфликтности в нем, что следует ожидать от политической активности различных партий, движений и общественных организаций в перспективе, как могут измениться экономические условия жизни общества, какова предполагаемая распространенность криминалитета на базисные отношения и т.д.

Горизонты комплексного прогнозирования борьбы с преступностью расширяются при соприкосновении, анализе и использовании информации прогнозов в сфере социологии, демографии, этнографии, техники, медицины, биологии, генетики, а также других видов научного прогнозирования. Это и понятно, ведь право и его отрасли изначально многофункциональны – они охраняют и регулируют самые различные стороны жизнедеятельности общества и государства.

Ключевой предпосылкой для эффективности реализации уголовно-правовой политики имеет ее прогнозирование, т.е. предвидение эффекта от уголовно-политического воздействия в перспективе.

Для теории и практики уголовно-правового прогнозирования особый интерес представляет изучение перспектив развития уголовного законодательства и влияния этого процесса на преступность. О целесообразности прогнозирования развития уголовного законодательства известно давно. Ещё К. Маркс писал об этом, указывая на необходимость составления научных прогнозов в области уголовного права, уголовной политики, в области изменения преступности в целом как социального явления и отдельных видов преступлений.

М.П. Клейменов утверждает, что уголовно-правовое прогнозирование всегда криминологическое и слитность этих видов прогнозирования обусловлена тем, что уголовно-правовые нормы есть реакция общества на опасные социальные отклонения, поэтому предвидение изменений в их развитии влечет за собой составление прогноза о внесении целесообразных правовых корректив [12, с.18].

Приставка-определение «уголовно-правовая», на наш взгляд, делает правильный акцент на доминирующую роль уголовного права и соответствующую ей прогнозную отрасль, напоминая, что и криминология, и уголовно-исполнительное право, и уголовная политика производны от нее, проистекли из нее.

Отсюда уголовно-правовая футурология представляет собой отрасль юридического предвидения в сфере борьбы с преступностью и заключается в научно-практическом, комплексном, систематическом исследовании перспектив развития преступности (преступного социума, его группировок и типологий), уголовного и уголовно-исполнительного права, их источников,

уголовной и пенитенциарной политики. Поэтому в предметную область комплексного прогнозирования борьбы с преступностью включаются такие общие теоретические и практические проблемы как: выявление и предсказание объективных процессов, тенденций, закономерностей и взаимосвязей преступности в будущем с учетом всех ее внутренних и внешних связей; предвидение появления и развития уголовно-правовых отношений, необходимости их регулирования нормами уголовного права, а соответственно, прогноз реформирования (совершенствования) уголовного, уголовно-исполнительного законодательства с прогнозом последствий такого реформирования, в том числе результатов пенализации, депенализации и правореализации; определение перспективных стратегических, тактических и практических направлений эффективной борьбы с преступностью.

К последствиям прогнозирования, наряду с вышперечисленными, некоторые ученые относят и иные последствия. Например, М.П. Клейменов, говоря о последствиях прогноза изменения уголовного законодательства, совершенно справедливо дополняет эту группу такими последствиями, как политические, экономические, социально-демографические, социокультурные, социально-психологические и др.[12, с.10]. Их можно дополнить, в свою очередь, и такими последствиями, как медицинские, психологические, психические, педагогические и иные, требующие для своего решения, опять же, комплексного использования достижений различных отраслей знаний.

Пенитенциарное прогнозирование является продолжением уголовно-правового (и криминологического) прогнозирования, исходя из “двухидейности” уголовного права – преступления и наказания, и заключается в предвидении:

- а) эффективности существующих видов наказания, практики их назначения;
- б) правовых последствий преступления и личности осужденного;
- в) первичной и рецидивной преступности;
- г) перспектив правового регулирования исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера [30, с.384; 31, с.31-33].

Уголовно - политическое прогнозирование замыкает систему комплексного прогнозирования борьбы с преступностью. В силу своего “синтезированного” и социогенного характера, этот вид прогнозирования, как никакой другой, способен объединять вышеназванные отраслевые прогнозы, а поэтому в уголовно-правовой футурологии он как бы выполняет функцию «дублёра» и включает в себя:

- а) прогнозирование перспектив развития теории уголовной политики и ее концепции [35, с. 59-68; 36, с. 10-27];
- б) прогнозирование правового регулирования борьбы с преступностью [34, с.100-104];
- в) прогнозирование управления преступностью путем определения перспективных направлений государственной деятельности по разработке стратегии и тактики предупреждения и сдерживания преступности путем использования правовых и не правовых средств [35, с.15; 36, с.6-7];
- г) прогнозирование непосредственного правоприменения.

Необходимо отметить, что содержание комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности наряду с указанными видами прогнозирования входит и индивидуальное прогнозирование. В отличие от социального прогнозирования индивидуальное прогнозирование, т.е. научно обоснованное предвидение состояния, поведения отдельного человека, в настоящее время недостаточно разработано теоретически, а на прикладном

уровне делаются, по существу, лишь первые попытки. Прогнозирование индивидуального преступного поведения не составляет исключения.

По нашему мнению, главное, что замедляло такую разработку это вполне оправданное представление об исключительной сложности научного предвидения поведения человека, зависящего от множества взаимосвязанных, имеющих различную природу и играющих разную роль в его формировании объективных обстоятельств и субъективных свойств личности, которые еще недостаточно изучены, нечеткое определение характера и степени их связи с преступным поведением. Положение усугублялось тем, что методы прогнозирования индивидуального поведения, как правило, связывались с необходимостью проникновения в психологический механизм его детерминации и регуляции. Однако нечеткость представления о нем в психологии и других «человековедческих» науках и безуспешные их попытки создать на его основе прогностические методики не давали криминологам повода для оптимизма, а, скорее, наоборот, тем более что возникло опасение, не отождествляется ли прогноз с констатацией «опасного состояния» личности.

В прошлом, еще в советской криминологии вывод о том, что преступное поведение обуславливается и проявляется вероятностно (статистически), но подчинено определенной тенденции, а потому вероятностно предсказуемо, принадлежит В.Н. Кудрявцеву. Он указал на несколько уровней проявления вероятности в преступном поведении, в том числе на наличие ее в характере связи между потоками информации и волевым решением, которое обеспечивается «вероятностным механизмом» мозга, улавливающего определенную систему, тенденцию, закономерность информации извне и использующего их в прогностических целях.

Отражая объективно существующую многовариантность поведения человека, зависящую от ряда объективных и субъективных обстоятельств, прогноз такого поведения также не может быть однозначным. Он имеет некую относительную определенность лишь для данной совокупности обуславливающих его признаков, обстоятельств, на данный момент. Практика свидетельствует о том, что по истечении определенного времени могут измениться не только количественные параметры результата прогноза, влияющие на повышение или понижение его надежности и степени вероятности осуществления, но и вывод по существу относительно прогнозируемого поведения. О методологических аспектах индивидуального прогнозирования преступного поведения более подробно мы остановимся в следующем разделе диссертационного исследования.

Давая характеристику комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности, следует остановиться на ее субъектах.

К числу субъектов уголовно-правовой футурологии относятся: органы государственной власти, ведущие борьбу с преступностью (суды, прокуратура, органы внутренних дел и др.); научно-исследовательские учреждения этих органов, непосредственно занимающиеся изучением проблем преступности и борьбы с ней; проблемные лаборатории высших учебных заведений, юридических факультетов, в том числе кафедр уголовно-правовой специализации.

Они несут ответственность за разработанные и представленные комплексные прогнозы, они пользуются в этом отношении определенными правами, имеют обязанности, в связи с чем ими могут заключать хозяйственные договоры на тот или иной вид прогноза, в т.ч. и целостный – комплексный. Эти прогнозы представляются от имени конкретного органа, т.е. юридического лица.

В настоящее время наметилась тенденция составления прогнозов уголовно-футурологического характера отдельными авторами, что обусловлено актуальностью данного направления научных исследований. Однако, как показывает практика, достоверность и качество подобных прогнозов оставляют желать лучшего. Представляется, что в силу объективных причин в нашей стране основную прогностическую деятельность должны проводить органы внутренних дел, в которых необходимо сформировать прогнозные подразделения со штатными футурологами. Там же должна сосредотачиваться вся необходимая информация для действенного комплексного прогнозирования борьбы с преступностью и сами прогнозы, а также прогнозные технологии. Теория, в свою очередь, будет обязана вырабатывать для этих структур общие критерии прогнозирования и совершенствовать ее методики, исходя из общих прогностических задач. Органы внутренних дел одновременно должны выступать и основными заказчиками соответствующих прогнозов, прогностических концепций, приоритетов борьбы с преступностью и т.д.

Если классифицировать прогнозы по срокам на долгосрочные (5-10 лет), среднесрочные (до 5 лет) и краткосрочные (до 1 года), то можно увидеть связь, которая существует между дальностью прогнозов, конкретными целями, ради которых они разрабатываются, и тем, как они практически используются.

Долгосрочные прогнозы, естественно, имеют более общий характер, и целью их является определение стратегии борьбы с преступностью. Для организации повседневной работы по борьбе с преступностью для разработки оптимальных практических мер воздействия на преступность необходимы тактические основы, которые могут дать средне- и краткосрочные прогнозы. Следовательно долгосрочные прогнозы должны

разрабатываться не менее чем в масштабах страны и использоваться для разработки перспективных планов, определения основных направлений в борьбе с преступностью на длительный период. Прогнозы на средние и краткие сроки целесообразно разрабатывать для автономной республики, края, области. Такие прогнозы используются для разработки текущих планов, отыскания необходимого комплекса целенаправленных мер борьбы с преступностью. И, наконец краткосрочные прогнозы необходимы прежде всего для организации работы непосредственно в городе, районе.

Форма комплексных прогнозов борьбы с преступностью может быть разнообразной, но желательно, чтобы ее можно было «демонтировать» и «трансформировать», в силу внесения возможных корректив в разработанные прогнозы.

Важным направлением в предметной области любого вида социально-правовой прогностики является исследование перспектив развития той или иной отраслевой науки. Поэтому, вполне логично, что в структуру уголовно-правовой футурологии входит прогноз перспектив развития криминологии, уголовного, уголовно-исполнительного права и уголовной политики. Конечно, желательно было бы подобное исследование проводить комплексно, в рамках одной науки. На наш взгляд, это может быть наука уголовного права, из системы которой “произошли” все выше перечисленные отраслевые направления. Но это может быть и специальная теория либо учебная дисциплина (например, “Комплексное прогнозирование в сфере борьбы с преступностью” или “Уголовно-правовая футурология”).

В основании любого прогноза, как известно, лежит его базовая модель, содержащая информацию о состоянии объекта в прошлом и настоящем, а также сведения о закономерностях его развития. Для преодоления ошибок при прогнозировании эффективности уголовно-политического воздействия

на криминальную ситуацию необходимо при конструировании такой модели, во-первых, учитывать: влияние на объект большого круга факторов (как внешних по отношению к криминальной ситуации, так и внутренних); во-вторых, принимать во внимание, что указанные факторы не равнозначны по своему воздействию на исследуемый феномен; в-третьих, прогноз должен учитывать большую латентность многих фоновых проявлений, показатели которых в значительной мере отличаются от данных официальной статистики. Поскольку во многих случаях информация, характеризующая динамику показателей фона преступности, по объективным причинам оказывается недоступной, поэтому основное внимание обращается на экспертные оценки как на метод прогнозирования.

Выводы:

1. Актуальность разработки проблемы комплексного прогнозирования обусловлена возрастанием значения прогнозного мышления и повышения в современных условиях значимости требований по принятию решений в сфере борьбы с преступностью, таких как компетентность, научность и своевременность. Масштабность проблем с преступностью, динамизм обстановки, многообразие процессов, связанных с воспроизводством данного явления, определяют необходимость опережающего анализа в развитии ситуации.

Эта разновидность научного предвидения приобретает особо важное значение, поскольку цена последствий от реализации неэффективной либо имеющей значительные негативные последствия уголовной политики велика, ведь необоснованные уголовно-политические решения калечат судьбы людей, даже поколений людей и примеров этому немало в истории. Прогнозирование эффекта новых уголовно-политических решений,

например, криминализации или декриминализации, позволяет в определенной степени избежать таких последствий.

2. Комплексное прогнозирование есть разновидность научного предвидения, основанного на синергизме криминологического и уголовно-правового прогноза, представляющей собой осуществляемую на систематической основе деятельность, направленную на определение перспектив уголовной политики и будущего состояния преступности.

Следует отметить, что процесс комплексного прогнозирования, начиная от первичных прогностических действий и кончая внесением в прогнозы “последнего” необходимого уточнения, является своеобразным циклом научного познания, а абсолютная точность в любом познании, как отмечал Г.А. Аванесов, практически неосуществима [8,с.7].

3. Основным содержанием прогнозирования уголовно-правовой политики является процесс получения прогностической информации об основных тенденциях, направлениях и перспективах развития действующего уголовного законодательства, выработки прогностической модели его будущей системы и ее составных частей. В более узком смысле оно сводится к процессу создания прогностических моделей отдельных уголовно-правовых норм и оценки ожидаемых от их применения результатов.

4. Комплексное прогнозирование в сфере противодействия преступности в современных условиях должно обеспечить повышение наукоемкости проводимых крупномасштабных мероприятий в указанной сфере, обосновывать их исполнимость, реальное осуществление на основе строжайшего соблюдения законности. При этом могут использоваться две разновидности прогноза – углубленный и облегченный. Углубленный прогноз дается научными учреждениями, проводящими в этих целях специальные криминологические исследования. На сегодняшний день такого

рода исследования ни одним Вузом или научно-исследовательским центром в республике не проводятся. Облегченный прогноз осуществляют в той или иной степени любые аналитические структуры правоохранительных органов, но это, как правило, рефлексивный тип прогнозирования.

Анализ принятых за последние десятилетия управленческих решений в сфере противодействия преступности на нормативном, программном уровнях приводит к выводу о нередких случаях своеволия, волюнтаризме, принятии случайных решений, работающих на сиюминутные, ведомственные интересы органов, противодействующих преступности, отдельных руководящих должностных лиц – субъектов правотворчества.

§ 2. Методологические аспекты уголовно-правового и криминологического прогнозирования

Современная наука располагает довольно мощным арсеналом средств прогнозирования. Составление научно обоснованного прогноза всецело зависит от того, какой метод, а точнее система методов лежит в основе прогностического исследования. Methodos по-гречески - это буквально путь к чему-либо, исследование. В русском языке и научном обороте, в соответствии с общепринятой терминологией, метод прогнозирования - это способ исследования его объекта, направленный на разработку прогнозов [37, с.393]. По различным оценкам, к настоящему времени сформировалось более 150 методов прогнозирования, как носящих общий характер, так и применяемых в узких областях знания. Основной вопрос состоит в том, чтобы определить возможную область использования каждого метода и выбрать наиболее эффективный в каждом конкретном случае.

Уголовно-правовое прогнозирование предполагает использовать как общие (общенаучные) и конкретные (частнонаучные), так и специальные методы.

В общие методы входит все, чем располагает в настоящее время логика научного исследования: восхождение от абстрактного к конкретному, индукция и дедукция, системно-структурный анализ, исторический и логический методы, обобщение, сравнение и абстрагирование, гипотеза, эксперимент, аналогия, динамические и статистические методы, моделирование и другие.

К частным методам относятся: метод конкретно-социологических исследований, который включает изучение документов, опросы, наблюдение, аналитические обследования, статистических анализ и др.

Специальные методы: экстраполяция, моделирование, экспертные оценки. Однако такая классификация весьма условна, поскольку, например, прогностическое моделирование социальных явлений, как правило, невозможно без экстраполяции и экспертных оценок, последние, в свою очередь, представляют собой итоги экстраполяции и моделирования экспертом объекта и т. д.

На практике почти все методы применяются в совокупности, образуя методику прогнозирования.

Каждый из этих методов достаточно подробно описан в литературе, поэтому останавливаться на их рассмотрении нет необходимости. Однако прогностическое применение этих методов следует выделить отдельно.

В частности, наблюдение – неотъемлемый элемент любой прогностической деятельности, в том числе и в уголовном праве. Трансформируясь в процессе уголовно-правового прогнозирования, этот метод выполняет, по существу, важную роль на первоначальном этапе поиска прогностической информации. Более того, этот метод сопровождает исследователя на всех этапах построения и реализации прогнозов. В этом случае можно выделить два метода наблюдения: простой и квалифицированный. Простой метод отличается от квалифицированного тем, что в первом случае наблюдение производится визуально, а во втором – с использованием технических средств. В качестве таковых могут выступать компьютерные системы наблюдения за поведением прогнозных моделей.

Описание, используемое в уголовно-правовом прогнозировании, является методом фиксации прогнозной информации. Без точного и объективного описания какого-либо факта, имеющего значение, прогнозирование просто невозможно. Описание событий и фактов может происходить различными способами: от простых до использования сложных

технических средств. Однако во всех случаях информация должна отвечать объективной действительности.

Анализ и синтез также используются в уголовно-правовом прогнозировании как поисковые и исследовательские методы. По своему содержанию эти методы не адекватны, но существенно дополняют друг друга. Дедуктивный метод – метод познания от общего к частному – имеет явно прогностическую направленность. Наиболее частое применение его связано с поиском прогностической информации посредством версионного процесса.

Индуктивный метод, дополняя дедуктивный, помогает вскрыть внутренние связи элементов каких-либо событий, фактов, предметов, установить причинные связи возникновения того или иного явления.

Абстрагирование как метод полезен тем, что помогает отсеять всю несущественную для прогнозирования информацию. Особое значение этот метод приобретает при построении математических прогнозных моделей, где «чистота» информации должна быть максимальной. В противном случае прогноз будет необъективным.

Применение аналогии в прогнозировании вызвано тем, что она обладает свойствами экстраполяции, которая, в свою очередь, является необходимым и универсальным методом для криминологического, уголовно-правового прогнозирования. Метод аналогии довольно часто применяется для построения прогнозных моделей, когда нельзя реально воспроизвести обстоятельства того или иного явления. Тогда прогнозы будут составляться по аналогичным прогнозируемому явлению событиям прошлого, зафиксированным достаточно полно и объективно. Этот метод основан на простой повторяемости событий, процессов, явлений и фактов, а также практическом опыте.

Сравнение как метод необходим в процессе прогнозирования для контроля и координации прогнозов. Все прогнозы должны сравниваться с объективной действительностью, а их результаты должны подвергаться сравнению с результатами прогнозов аналогичных объектов, но достигнутых другим путем. Кроме того, сравнение как метод пронизывает весь процесс сбора и обработки прогнозной информации.

Метод моделирования получил широкое распространение как метод исследования в различных науках. В основе метода возможность определения соответствия между знаниями об объектах познания и самими объектами. Знания об объекте, материализованные в виде описаний, изображений и схем, представляют более или менее адекватное его изображение. Материализованная форма знания – это и есть модель объекта. Способ исследования, при котором изучаются не сами объекты познания, а их модели и результаты переносятся с модели на объект, называется моделированием.

Моделирование сводится к трем процедурам:

- построение модели объекта;
- экспериментирование с моделью (в том числе мысленный эксперимент);
- перенесение в силу симметричности отношений между объектом и его моделью, выводов, полученных при эксперименте на объект.

В области уголовного права эксперимент все чаще выступает компонентом нормотворческого процесса. Эксперимент широко используется в уголовно-правовом прогнозировании для проверки подтверждения прогнозов. По существу, осуществление эксперимента по результатам прогноза – это одна из финальных стадий прогноза – стадия реализации прогноза. Так, разработка действующего Уголовного кодекса

была бы менее эффективной без всесторонней экспериментальной проверки новых уголовно-правовых норм, которые включались в предшествующее уголовное законодательство в качестве дополнений и изменений. Активное воздействие исследователя на объект, возможность вычленения действия причинного фактора и неоднократного воспроизведения экспериментальной ситуации, как считают ученые, делает эксперимент самым действенным методом конкретно - социологического исследования [38, с.267].

Среди социологических методов наиболее эффективными для уголовно-правового прогнозирования являются анкетирование и опрос. Они применяются для сбора информации о прогнозном фоне и объекте прогнозирования, а также об определении эффективности уголовно-правовых прогнозов.

Особое место в уголовно-правовой футурологии занимают конкретно – социологические методы, то есть методы изучения социальных явлений в их конкретном проявлении в реальных условиях места и времени.

Изучение документов или документарный метод. Это метод сбора первичных данных, при котором документы используются в качестве главного источника информации. В ходе комплексных прогнозных исследований в сфере борьбы с преступностью приходится изучать разнообразные документы, вследствие чего очень важно правильно их сгруппировать. Информативный документ для прогнозирования можно определить как письменный (устный) документ, который фиксирует идеальные объекты, имеющие теоретико-прикладное предсказательное значение. Их классификацию можно производить по различным основаниям: 1) по способу фиксирования информации; 2) по целевому назначению; 3) по степени персонификации; 4) в зависимости от статуса документального источника; 5) по источнику информации и др.[39, с.66-67]. Наиболее

существенной, на наш взгляд, представляется классификация документов в зависимости от тех идеальных объектов, которые оформляются данным документом, объективизируются в нем, обретают определенную самостоятельность, независимость от его создателя и других субъектов. Последнее положение особенно принципиально для точности комплексного прогноза борьбы с преступностью.

При таком подходе данную классификацию составляют:

1. Нормативные документы. К ним относятся, конечно, все нормативно-правовые акты уголовно-правового и иного характера, которые содержат информацию, относящуюся к сфере борьбы с преступностью (уголовный закон, указы и постановления об усилении того или иного направления борьбы с преступностью и т. д.).

2. Документы – решения индивидуального характера, имеющие властно-обязательный характер для субъектов, реализующих предписания по борьбе с преступностью, т. е. устанавливающие, изменяющие или прекращающие субъективные права и юридические обязанности (акты амнистии, помилования, решения, приговоры, постановления судов, процессуальные акты следствия и т. п.).

3. Документы, фиксирующие юридические факты. Это наиболее многочисленная группа юридических документов, которая, в свою очередь, требует классификации, прежде всего, по характеру этих фактов: а) документы, которые фиксируют факты, определяющие правовой статус субъектов (паспорта регионов, участков, граждан, справки об освобождении из мест заключения и т. д.); б) документы, фиксирующие факты, от которых зависит правовой режим объектов (технические, строительные, сельскохозяйственные и иные паспорта и допуски, а также счета, чеки, сертификаты, трудовые книжки и т. д.); в) документы, фиксирующие

волеизъявление субъектов (заявления о преступлениях, жалобы, книги учета преступлений, правонарушений и иной подобной информации); г) документы, фиксирующие факты - события (журналы регистрации уголовных дел и постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел, постановления о возбуждении уголовных дел, об их прекращении и отказе в возбуждении уголовных дел, акты осмотров, освидетельствования, изъятия, заключения экспертов и т. д.); д) документы, фиксирующие статистические сведения (документы юридической, демографической, экономической и иной статистики соответствующих органов); е) документы средств массовой информации (статьи в газетах и журналах, публицистика, официальные сообщения телевидения и радио, сайты в ИНТЕРНЕТ и т.д.); ж) иные документы, содержащие информацию, полезную для комплексного прогнозирования борьбы с преступностью (результаты ранее проводившихся исследований криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического характера, рабочие тетради сотрудников правоохранительных органов, меморандумы писем заключенных, не получившие статуса официальных юридических документов, прогнозы в сфере борьбы с преступностью, разработанные тем или иным правоохранительным органом, справки комплексных проверок правоприменительной деятельности и т.д.).

Представив классификацию документов, фиксирующих информацию для исследований в области уголовно-правовой футурологии, следует оговорить, что она, во-первых, не единственная из возможных, т.к. в зависимости от избранного критерия, документы можно классифицировать “до бесконечности”; во-вторых, не может быть исчерпывающей в силу того, что информативные документы “рождаются” практически ежедневно; и, в -

третьих, возможно, недостаточно выдержана с точки зрения ее основания (к примеру, один и тот же документ может быть отнесен к разным классам).

Так же как в случае с проверкой гипотез, существуют процедуры проверки надежности документов, которые предполагают различие информации на: событийную и оценочную; анализирующую целевые намерения и мотивы составления документа; уясняющую общую и политическую обстановку, в которой составлен документ и т.д. Кроме того, разработаны методы качественного и количественного анализа документов. Среди них следует особо отметить библиографический метод или метод анализа личных и исторических документов, процедуру шкалирования и контент-анализ [40, с.150-220].

При шкалировании разрабатывается классификатор шкал, отражающий особенности исследуемых документов. При этом могут одновременно составляться аналитические таблицы, позволяющие выявить тенденции, взаимосвязи и зависимости изучаемых процессов и явлений, то есть то, что наиболее интересно с точки зрения прогнозирования.

Контент-анализ представляет собой анализ содержания исследуемого текста, который позволяет уточнить значение отдельных входящих в него слов, выражений, в целом - смысла документа. В годы второй мировой войны контент-анализ широко использовался английской разведкой и позволял по содержанию немецких газет прогнозировать военные операции гитлеровцев на том или ином участке фронта.

Библиографический метод, процедура шкалирования и контент-анализ как способы проверки надежности документов, чаще всего относят к нетрадиционным методам исследования документов [41, с.24]. Но в данном случае мы пренебрегаем в определенной мере точностью классификации и определения методов исследования документов в угоду их простоте,

наглядности и большей “привязки” к реальной жизни. Специфика названных документов состоит в характере информации, имеющей значение для рассматриваемых прогнозов.

Опрос. Как метод, опрос проводится тогда, когда сами исследуемые явления не доступны прямому непосредственному наблюдению, не находят достаточного отражения в документах, а также тогда, когда предмет информации связан с субъективным отношением людей к действительности. В основе опроса лежит совокупность вопросов, ответы на которые и дают социальную, уголовно-правовую и иную необходимую для прогнозирования информацию. Опросы проводят либо заочно (анкетирование), либо очно (интервью). Несмотря на кажущуюся простоту, к проведению опроса, к его формам, стадиям, типам и видам предъявляются серьезные и, в большинстве своем, обязательные требования. К ним, в частности, относятся: 1) опросник должен быть обоснован по целям, то есть, как он будет понят опрашиваемым; 2) опросник должен давать (показывать) реальное отношение опрашиваемого к интересуемому исследователя-футуролога явлению или событию; 3) опросник должен давать устойчивые данные, то есть, если повторно, при тех же условиях вновь опросить респондента, то результаты первого опроса должны подтвердиться.

Требований к анкете гораздо больше, чем для опросника, но они могут быть сведены к трем основным: во-первых, вопросы должны быть понятны всем участникам опроса (для чего составляется сама анкета или план интервью); во-вторых, анкетер должен обеспечить заполнение анкеты каждым опрашиваемым и, в - третьих, важны условия, в которых происходит опрос, то есть та ситуация, в которой находится опрашиваемый (острая или безразличная ситуация со стороны опрашиваемого).

Кроме того, анкету можно условно разделить на три части. Первая часть содержит “легенду”, то есть задачи и цели опроса и введение, стимулирующие респондента на откровенность ответов и содержащие небольшую инструкцию по заполнению анкеты.

Вторая, основная часть, состоит непосредственно из вопросов, которые классифицируются: а) по целям поставленных вопросов - результативные вопросы; функциональные вопросы; вопросы контроля, снятия стресса и т. п.; вопросы-фильтры; собственно-контрольные вопросы; вопросы-ответы; б) по содержанию: о фактах, знаниях, о мотивах поведения, о выяснении мнения и т.п.; в) по форме: открытые, полуоткрытые, закрыты, пилотажные, вопросы-ловушки.

Вопросов должно быть столько, сколько необходимо для решения намеченной программы (желательно, конечно, не более 25-30). Порядок их расположения в анкете, как правило, от простых к более сложным, а формулировка должна отличаться тем, чтобы респондент понял смысл вопроса (поэтому вопросы анкеты надо апробировать пилотажным обследованием, только затем проводить полевое обследование).

Третья часть анкеты, так называемая “паспортичка”, где респондент указывает некоторые данные о себе: пол, возраст, специальность, образование и т. д., но то, что имеет значение для исследователя.

Надо иметь в виду, что во многих случаях данный метод – единственная возможность получить информацию прогностического характера, например, составить удовлетворительное представление о правовых ценностях населения, выяснить общественное мнение на государственную уголовную политику, правореализующую деятельность органов внутренних дел, определить “ценностный профиль” человека будущего [42, с.67].

Учитывая, что различия между субъектами и объектами комплексного прогнозирования борьбы с преступностью довольно существенные, необходим дифференцированный подход к определению адресатов социологических опросов.

К ним можно отнести:

- специалистов, принимавших и принимающих участие в конструировании уголовно-правовых установлений, разрабатывающих проекты документов уголовно-политической направленности, планирующих реализацию уголовной репрессии и превенции;

- сотрудников государственных органов, уполномоченных применять уголовно - правовые, пенитенциарные нормы и реализовывать уголовную политику государства;

- правонарушителей, субъектов уголовной ответственности и наказания, осужденных, преступников и судимых;

- индивидов, поведение и образ жизни которых свидетельствует о реальной возможности совершения ими правонарушений и преступлений;

- граждан, не нарушающих правовые, в том числе и уголовно-правовые нормы.

В отношении различных групп адресатов могут применяться различные вариации опросов. Например, в отношении первых двух групп может быть использован метод опроса экспертов, который предполагает четыре этапа его реализации: формирование группы экспертов; экспертное исследование; формирование прогностических выводов; оценка окончательных результатов.

Формирование группы экспертов предполагает, прежде всего, решение таких важных вопросов, как компетенция каждого эксперта, полнота групп экспертов, их численность. Так, опрос лиц, применяющих уголовный закон

и реализующих уголовную политику государства, важен для установления характеристик всей уголовно-политической деятельности, которые составляют “остов” комплексного прогнозирования борьбы с преступностью.

К приглашаемым экспертам предъявляются определенные требования. Прежде всего, это должны быть высококвалифицированные специалисты в своей сфере, а также специалисты-юристы разного профиля. Этот критерий проверяем, во-первых, по признакам их формального профессионального статуса, во-вторых, результатами их предварительного тестирования и, в-третьих, путем аттестации их со стороны коллег. Однако компетентность суждений экспертов является проблемой, требующей отдельного изучения.

Самостоятельной практической проблемой является определение оптимального числа экспертов. Обычно их должно быть не более 10-ти человек, но в дальнейшем этот круг может быть расширен по рекомендации уже приглашенных экспертов.

Индивидуальные экспертные оценки имеют тот недостаток, что накопленный экспертом опыт, сложившиеся стандарты мышления зачастую мешают ему подняться над уровнем привычных представлений и непредвзято посмотреть на проблему. Более того, по некоторым параметрам правовые ценностные ориентации таких лиц практически не отличаются от обыденных представлений. Тем не менее затраты на формирование экспертных групп окупаются повышением информативности и достоверности прогнозов. Чтобы добиться серьезного и активного отношения эксперта к опросу, необходимо в той или иной форме познакомить его с теоретической схемой прогнозного исследования, в которой должны содержаться, по крайней мере, перечни факторов, могущих влиять на правотворчество, правоприменение и уголовную политику в сфере борьбы с преступностью. Эксперты должны быть знакомы с гипотезами о

характере предстоящего развития исследуемых процессов и явлений [43, с.28].

Метод экспертных оценок. Данный метод отличается от опроса экспертов тем, что отобранные специалисты опрашиваются относительно значений некоторых переменных, дающих необходимую информацию об объекте оценки. Он является универсальным в том смысле, что с его помощью можно собрать как первичную прогностическую информацию, так и сформулировать предварительный прогнозный вывод.

В зависимости от требований, предъявляемых к получаемой информации, экспертные оценки могут иметь самую разнообразную форму – от заочного опроса с помощью анонимной анкеты и до способа “дельфи” или открытой групповой дискуссии. Метод экспертных оценок относительно прост, хорошо зарекомендовал себя в юридическом прогнозировании и в доступной форме освещен в специальной литературе.

Выводы экспертов проверяются и оцениваются вместе с данными, полученными на основании использования других методов. Каждый эксперт заполняет таблицы экспертной оценки по соответствующим шкалам, после чего используется простое упорядочение значений, их парное или последовательное сравнение, а также другие процедуры, обеспечивающие идентификацию измеряемых переменных или их ранжирование.

Метод обобщенного сценария. Сценарий - это гипотетическая последовательность событий с целью сосредоточения внимания на причинно-следственных связях. Его сущность состоит в том, что прогноз дается, во-первых, в виде целостной картины будущего состояния исследуемых объектов, во-вторых, его элементы наполнены некоторыми другими самостоятельными методами и, в-третьих, он отвечает на вопросы двоякого рода: каким путем может реализоваться определенная

прогностическая ситуация и какие имеются варианты для каждого управляющего субъекта, чтобы предотвратить, нейтрализовать и избежать того или иного негативного варианта развития событий.

Метод обобщенного сценария включает в себя такие структурные элементы как: тенденции развития прогнозируемых явлений и процессов в сфере борьбы с преступностью, проблемные ситуации в сфере борьбы с преступностью и узловые блоки соответствующих явлений, опрос экспертов по вопросам разворачивающегося сценария и др. В связи с подобной структурой становится возможным: представить целостную картину развития объектов комплексного прогнозирования борьбы с преступностью; гармонично сочетать теоретические и практические методы и подходы; увязывать глобальные, частные и локальные прогнозы в сфере борьбы с преступностью; реализовать комплексный подход, при котором используется широкий круг иных социальных и юридических прогнозов.

Подробно метод обобщенного сценария освещен в монографии О.А. Гаврилова "Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование", в которой отмечается, что прогнозные сценарии могут быть самые разнообразные, но их принципиальная схема обязательно должна включать в себя: параметры исходной ситуации; наиболее вероятную конечную ситуацию; управляющих и управляемых субъектов; ключевые явления, процессы и события и их вероятные структурные изменения; оперативные, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные проблемы и проблемные ситуации; наиболее желательную конечную ситуацию; возможные внешние и управляемые воздействия [44, с.44-46].

Метод обобщенного сценария проверяется данными, которые могут быть получены с помощью иных методов уголовно-правовой футурологии и, в частности, методом опроса экспертов.

Эксперимент. В комплексном прогнозировании в сфере борьбы с преступностью эксперимент более сложный метод эмпирического исследования изучаемых объектов, но наиболее сильный способ проверки выдвинутых гипотез. Эксперимент в прогностических исследованиях ориентирован на выявление динамических закономерностей, получение информации о последствиях изменений, обнаруженных в ходе исследований. В области уголовного права эксперимент чаще выступает компонентом нормотворческого процесса. Эксперимент применяется также в управлении борьбой с преступностью, когда речь идет о поиске новых практических средств достижения поставленных целей. Последние, в свою очередь, используются в практике уголовно-политического планирования борьбы с преступностью. Необходимо использовать имеющиеся в практике прогнозирования широкие возможности для проведения экспериментов по повышению эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, уголовной и пенитенциарной политики, так как эксперимент представляет собой не хаотический процесс, а, напротив, является управляемым процессом целенаправленного изучения будущего решения. Эксперимент в уголовно - правовой футурологии, - это метод получения знания (информации) об объектах криминологического, уголовно-правового, пенитенциарного и уголовно-политического характера, воздействия на них управляемых и контролируемых факторов, специально созданных условий, необходимых и достаточных для проявления и измерения определенной, устанавливаемой связи явлений [45, с.15]. Активное воздействие исследователя на объекты (объект) прогнозирования, возможность вычленения действия причинного фактора и неоднократного воспроизведения экспериментальной ситуации это самое ценное, что дает эксперимент. Экспериментатор обычно сам создает ситуацию уголовно-

правовой, либо иной направленности и контролирует ее развитие. Такого качества лишены иные рассмотренные выше методы комплексного прогнозирования борьбы с преступностью.

Однако на сегодняшний день у юристов нет единого мнения на возможность проведения эксперимента в уголовно-правовой сфере, в особенности связанной с преступностью. Одни авторы полагают, что в сфере борьбы с преступностью эксперимент вообще недоступен [46, с.81], либо может быть использован локально [47, с.92].

Другая позиция прямо противоположна и сводится к тому, что эксперимент, например, в криминологии возможен в полном объеме, но при соблюдении определенных правил [48, с.67].

В этих же двух плоскостях идут дискуссии и о возможностях эксперимента в уголовном праве, уголовной политике, пенитенциарном законодательстве и практике его применения [49, с.17]. На наш взгляд, эксперимент как метод исследования присущ каждой из перечисленных правовых областей, вопрос лишь в том, чтобы строго соблюдались условия проведения эксперимента, а в необходимых случаях и некоторые ограничения. Что касается прогнозирования уголовно-правовых норм, то здесь эта проблема выступает как специфическая задача вычленения действия правового фактора из всей системы детерминации.

В ходе комплексного прогнозирования борьбы с преступностью условия и ограничения, предъявляемые к проведению эксперимента, сводятся к тому, что он:

- никогда не должен ставиться “наобум”, а предполагает наличие четко сформулированной цели исследования;

- не делается "вслепую", он всегда базируется на каких-то исходных теоретических и практических положениях;

- не проводится беспланоно, хаотически, предварительно исследователь намечает пути его проведения и конечный, прогнозный результат;

- требует определенного уровня развития технических, электронных и иных материальных средств познания для его реализации;

- должен проводиться специалистами, имеющими достаточно высокую квалификацию;

- он может быть прерван в любой момент по желанию экспериментатора.

Следует добавить, что для эксперимента уголовно-правовых опытных норм еще встает и проблема учета времени действия причинного фактора. Эксперимент обычно длится непродолжительное время и поэтому причинная связь может быть не установлена с полной надежностью.

В ходе эксперимента пенитенциарной направленности следует выдерживать принцип “соотношения содеянного назначенному наказанию”.

К ограничениям в эксперименте в области уголовно-правовой футурологии необходимо отнести, как минимум два положения. Недопустимо провоцировать преступления, это первое, и, с другой стороны, меры по борьбе с преступностью должны базироваться на законе, нормах морали и не нарушать прав и свобод человека.

Без каких-либо существенных ограничений в ходе комплексного прогнозирования борьбы с преступностью можно проводить эксперименты по правовой, политической пропаганде и правовому воспитанию населения, профилактике преступлений, по оптимизации правоприменительной деятельности и т.д., если это проводится с учетом требований экспериментальных процедур. К их числу относятся:

- постановка и уточнение задач и основных гипотез;

- выбор эмпирического объекта, в рамках которого предлагается провести эксперимент;
- определение экспериментальных и контрольных групп;
- создание экспериментальной ситуации посредством ввода гипотетической причины и проведение периодических измерений функционирующего объекта;
- анализ результатов;
- контрольное повторение эксперимента.

Обоснованность и большая точность криминологического прогноза зависят и от того, имеются ли данные о преступности и результатах борьбы с ней. В частности, существование латентных преступлений само по себе обрекает статистическое наблюдение на неполноту отражения реальной преступности и реально достигнутых результатов борьбы с нею. Поэтому необходима методика «поправок на латентность».

Если бы соотношения между регистрируемой и латентной частями преступности (более правильно оценивать эти соотношения по видам преступлений, а не оперировать совокупностями всех вместе взятых преступлений) являлись постоянными, то внесение поправок в статистические данные было бы менее трудным делом. Но эти соотношения весьма изменчивы не столько в силу меняющихся совершения преступлений, способствующих или препятствующих их сокрытию, маскировке, сколько в силу колебаний полноты регистрации преступлений органами уголовной юстиции. Ради ложно понятых ведомственных интересов правоохранительных органов или интересов личной карьеры до сих пор нередко имеет место укрытие преступлений от регистрации. Определенные недостатки действующих официально или неофициально критериев оценки эффективности деятельности правоохранительных органов являются

причиной этого, в частности «перевода» части преступлений против общественного порядка в разряд административных деликтов.

Статистические данные об административных проступках, сходных с некоторыми преступлениями, например о мелком хулиганстве, должны поэтому использоваться при подготовке криминологических прогнозов. Располагая суммарными данными о хулиганстве (о количестве преступлений и административных проступков за прошлые годы), можно более точно определить тенденции динамики хулиганских проявлений за соответствующие годы. Определенное уточнение оценки полноты статистических данных об уголовно наказуемом хулиганстве можно осуществить в том случае, если определить, стабильно ли соотношение доли хулиганских действий-преступлений и доли административных деликтов. Полезно также проводить выборочное изучение материалов о мелком хулиганстве, чтобы выявить и качественно оценить случаи неправильного отнесения уголовно наказуемого хулиганства к административно наказуемому.

Проведено немало проверок и исследований относительно правильности квалификации хулиганских действий как преступлений и административных проступков. По выборочным данным, количество уголовно наказуемых хулиганских деяний, неправильно квалифицированных как административные проступки, достигло 15-20 лет назад около 20% от всей совокупности административно наказуемого хулиганства [50, с.23]. Понятно, что сумма зарегистрированных уголовной статистикой хулиганских действий – преступлений, показанных в административной статистике как иные правонарушения, будет значительно точнее отражать фактическую распространенность такого вида преступлений. Однако, используя уточненные данные при прогнозировании (экстраполируя их или беря в

качестве базы), нужно прогнозировать и тенденции будущей практики органов внутренних дел и судов по квалификации хулиганства.

При оценке полноты и достоверности статистических данных о преступности (прошлых лет) представляется целесообразным использовать метод экспертных оценок. В качестве экспертов могли бы выступать криминологи, исследователи, работающие в области уголовной статистики, практические работники органов внутренних дел, прокуратуры и суда (особенно непосредственно занимающиеся статистическим наблюдением за преступностью и результатами борьбы с ней). Желательно, чтобы эксперты дали свои аргументированные заключения в отношении полноты и достоверности статистических данных прошлых лет (включая текущий год), а также состояния уголовной статистики в будущем.

Полученные в результате описанных приемов уточнения, а иногда и «реставрация» статистических данных о прошлой преступности будут полнее фиксировать реальность.

Что же следует понимать под «реставрацией» (восстановлением) статистических данных? Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на одной существенной проблеме. В некоторых городах, районах, регионах в силу разных причин не сохранились статистические данные о преступности и результатах борьбы с ней за прошлые годы, хотя надежную базу для прогноза дают лишь ретроспективные данные за 10 лет («10 точек» на кривой). Понятно, что при прогнозировании такие данные необходимы. Поэтому нужно попытаться, пусть приблизительно (это лучше, чем полная неопределенность), определить те или иные абсолютные цифры, характеризующие в эти годы уровень, структуру, динамику преступности. Например, при отсутствии данных о судимости можно, установив

пропорциональное соотношение между первым и вторым статистическим рядом, восстановить и отсутствующие цифры [50,с.20].

При разработке прогноза следует установить, были ли изменения уровня зарегистрированной преступности связаны с действительным изменением количества совершенных преступлений или изменение количества зарегистрированных преступлений являлось результатом их лучшего выявления и более полной регистрации. Понятно, что может наблюдаться и то и другое, тогда есть необходимость констатировать этот факт. По нашему мнению, многие годовые изменения уровня преступности в 2005-2011 гг. в большей или меньшей степени были связаны с изменением количества выявленных, зарегистрированных преступлений в результате усиления или ослабления регистрационной дисциплины.

Прогностическая ценность статистических данных о преступности прошлых лет несколько ограничена, так как в начале 90-х годов прошлого века имела место неудовлетворительная регистрация преступлений. В связи с этим должны изучаться факторы, являющиеся основным источником ошибок, искажений, неполноты статистических данных о преступности. Нужно попытаться определить количественное влияние каждого из источников ошибок на итоговую величину.

Такая оценка требует в большинстве случаев реализации относительно обширной программы работ, включающей (наряду с другими) следующие методы:

1. проведение выборочной или сплошной проверки полноты собранных данных.
2. Сопоставление различных источников, из которых берется исходный материал.

3. Проверка полноты и правильности заполнения статистических карточек и бланков.

Должны проверяться все статистические характеристики преступности. Например, количество лиц, совершивших преступление в нетрезвом состоянии, по статистическим данным одного региона, равнялось 60%. После выборочного, а также и сплошного изучения уголовных дел, по которым были получены указанные данные, оно оказалось равным 70%. Эти примеры показывают, что пользоваться статистическими данными без их тщательной проверки не следует.

В связи с оценкой полноты регистрации преступлений возникает вопрос: имеются ли значительные региональные колебания состояния регистрации преступлений. Хотя органы внутренних дел различных регионов отнюдь не изолированы друг от друга и ситуация в них с регистрацией преступлений, видимо, редко бывает исключительной, все же возможны серьезные региональные различия в регистрационной дисциплине. Поэтому при прогнозировании следует пытаться определить их уровень (хотя бы путем экспертной оценки) с целью взвешенного и осторожного подхода к анализу данных, используемых в прогнозе.

Представляется, что при попытках путем сравнительного анализа различных факторов объяснить территориальные различия преступности в нескольких областях криминологам подчас недооценивалась влияние на статистические характеристики преступности различной регистрационной дисциплины в этих областях. Между тем данный фактор может существенно влиять на принятие мнимых или неярко выраженных различий в уровнях преступности за действительные и тем самым неправильно интерпретировать значение влияния тех или иных криминогенных факторов на преступность.

Используемые в прогнозе данные социологических исследований также являются важным источником сведений о преступности. Но и они обладают определенными недостатками: их собирание проводится по разным программам, с разными целями; выбор областей, городов, районов и т.п. случае; в программе прогнозирования полностью или частично не представлены многие территориальные единицы.

Следует отметить, что по своей сущности и целенаправленности социологические исследования преступности дополняют, существенно уточняют, но не подменяют статистическую информацию. Расширение публикации статистических данных о преступности в конечном счете будет способствовать улучшению качества и полноты прогноза тенденций преступности и борьбы с ней, так как возможности планирования и организации борьбы с преступностью в условиях гласности возрастают.

Повышению полноты и достоверности, показательности данных статистического наблюдения преступности содействовали бы: проведение выборочных проверок качества и полноты представления статистических материалов, организация статистического наблюдения потерпевших и поддающихся учету последствий преступности.

Для прогнозирования процессов борьбы с преступностью необходимы разнохарактерная информация, исследование динамики многих социальных явлений и процессов. Еще в советской криминологии обосновано влияние как минимум 250-300 факторов на преступность и криминальную ситуацию в целом. В настоящее время, по-видимому, отсутствуют возможности построения полной математической модели сложной системы «преступность – ее детерминанты». Это связано и с трудностями получения разноплановой информации и отсутствием необходимого объема социальной статистики.

Как уже ранее отмечалось, особый интерес представляет собой методологическая составляющая индивидуального прогнозирования преступного поведения.

Методологические предпосылки индивидуального (как и социального) прогнозирования базируются прежде всего на диалектико-материалистической теории развития, предусматривающей принципиальную возможность его познания по детерминистическим и иным связям, на диалектическом принципе, согласно которому в любом общественном явлении, рассматриваемом в процессе развития, «всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего». Методологическое обоснование возможности прогнозирования поведения человека связано с детерминистической концепцией поведения, рассматриваемого в качестве результата сложного взаимодействия личности, среды и конкретной жизненной ситуации. Конечно, сложное существо человека, различные по природе его компоненты, сугубо индивидуально проявляющиеся в функциях и поведении, обуславливают трудность и специфику методологии познания и прогнозирования последнего, затрудняют практическое их осуществление, но не делают таковые невозможными.

Исходя из конкретных целей прогнозирования индивидуального преступного поведения, можно сделать вывод, что процесс его научной разработки по самой общей (методологической) схеме должен состоять из четырех основных частей, обеспечивающих последовательное решение следующих задач:

- 1) изучение нынешнего и прошлого поведения интересующего человека и слагаемых, его обуславливающих: личности, среды, ситуации, закономерностей их формирования и проявления («методика ретроспекции»);

2) выявление среди признаков и закономерностей названных объектов таких, которые отражают тенденцию изменения (развития) поведения в сторону преступного, т.е. обладают криминальной прогностической значимостью; определение их качественной роли и количественного значения, в том числе в системе показателей, наиболее удобных для практического прогнозирования («методика диагностики»);

3) создание прогнозной модели, в которой системно концентрируется и вероятно оценивается криминально значимая прогностическая информация («методика диагностики»);

4) практическое прогнозирование, состоящее в создании и применении прикладной методики прогноза преступного поведения.

Изучение отечественного и зарубежного опыта показывает, что применяемые в этих целях методы подразделяются в основном на три группы: клинический, детерминистический (факторный) и эталонный.

При клиническом методе диагностируется единичный объект прогнозирования, а тенденции его изменения выявляются на основе знания характерных для него механизмов и закономерностей, например психофизиологических, психологических, на чем основывается прогнозирование того, каких следующих стадий и как скоро могут достигнуть названные изменения. Этот метод широко используется в медицине. Он получил распространение и в зарубежной криминологии как последовательное продолжение ее клинического направления, особенно среди ученых, которые объясняют преступления биологической и биопсихологической патологией, в связи с чем, как правило, не охватываются социальные условия преступного поведения и не дается о нем полного представления. На наш взгляд, в прогнозировании социального

поведения, каковым является преступное, возможности данного метода крайне ограничены.

Детерминистический (факторный) метод основан на выявлении прогнозируемой тенденции по причинным, детерминистическим или ассоциативным факторам, вызывающим изменение субъекта, его социальной роли, поведения, в том числе появление определенных событий, поступков. Трудности его применения состоят в ограниченности представления о всех факторах, определяющих поведение, возможностей их выявления и учета, четкого установления взаимосвязи между ними и конкретной роли каждого, в нередком расхождении между ними и конкретной роли каждого, в нередком расхождении между внутренними психологическими факторами и внешним их выражением в поведении. Причем последнее лишь частично подвержено строгой детерминации, а в значительной мере является проявлением свободного выбора (личный интерес, смысл, оценка условий и т.п.) и, как указывалось выше, статистически вероятностным.

По этой причине применение данного метода обязательно сопряжено с использованием методов статистической теории предсказания и вероятностей, чтобы «максимально выделить детерминирующую часть процесса и постоянно стремиться к уточнению (по мере роста знаний) предсказания вероятной части, количественно определенно оценить вероятность достижения тех или иных прогнозируемых свершений».

Первые экспериментальные разработки прогноза преступного поведения также базировались на выделении, измерении и использовании в прогностических целях некоторых его факторов. Делились попытки содержательно обосновать выделение прогностически значимых признаков отражением в них антисоциальной направленности личности, ее антиобщественной ориентации и реальных действий. Однако в ходе

исследования отбор признаков фактически производился чисто логически и путем математической процедуры, т.е., по существу, так же, как и в обычной операции с факторами. По-видимому, эти и другие несовершенства методики прогноза не позволяют рекомендовать ее для практического внедрения.

На основе применения более совершенных математических методов (распознавания образов и др.) было предпринято еще несколько заслуживающих внимания попыток разработать прикладные методики прогноза преступного поведения. Они привели к высокому (до 80%) подтверждению последних. Однако в силу определенной сложности практической реализации этой работы также не произошло. Своеобразно, на закономерностях повторяемости некоторых видов преступлений, пытался определить вероятность их рецидива А.Ф. Зелинский. Им же было проведено исследование зависимости структур рецидива от таких факторов, как возраст в момент первого осуждения, пол, образование, вид освобождения.

Эталонный метод использует для выявления тенденции изменения поведения образцы, эталоны, стереотипы, свойственные сходным лицам в аналогичных условиях. Данный метод не требует уяснения роли всего механизма связи и каждого элемента детерминации поведения. Он «выводит» на определенные образцы, типичные формы, присущие в известных условиях поведению лиц одной статистической группы. Однако, когда поступки людей «отходят» от нормы, предполагаемого образца (а это случается нередко), этот метод не срабатывает, приходится снова возвращаться к психологическому механизму или детерминистическому анализу.

Критический анализ операциональных возможностей и практической результативности описанных выше методов, а также методов психологов и криминологов об актуальности разработки проблем типологии личности в

целях ее более глубокого познания побудили нас искать новые методологические пути решения задачи определения прогностически значимых признаков преступного поведения и его прогнозирования. Перспективным для этого представляется типологический подход.

В социологической и психологической литературе давно обращалось внимание на то, что типология личности и основанное на ней определение типичного «набора качеств» таковой позволяет ее прогнозировать, «предугадывать действия». О возможности и перспективности типологического подхода при разработке основ прогнозирования индивидуального преступного поведения писали А.Б. Сахаров, В.Н. Кудрявцев, А.С. Шляпочников, Г.М. Миньковский и другие ученые.

Однако до сих пор эти идеи не были практически реализованы, главным образом, из-за нечеткости методологии и «технологии» проводимой при этом типологизации личности.

Выводы:

1. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от применяемых методов и точности статистических показателей. При этом нельзя противопоставлять методы прогнозирования по их значимости. Ни один из перечисленных ранее методов не обеспечивает абсолютную точность прогноза. Ими пока удается охватить лишь некоторые факторы из числа интенсивно, влияющих на преступность. Очевидно, что высокая степень вероятности прогноза обеспечивается совокупностью применения этих методов.

2. Большинство опрошенных сотрудников правоохранительных органов (67 %) не имеют представление о методах прогнозирования, соответственно, не занимались прогностикой в правоприменительной деятельности. Таким образом, в республике правоохранительные органы прогнозирование почти

не используют либо осуществляют его на примитивном (интуитивном) уровне. Отсюда неэффективность многих кампаний по усилению борьбы с отдельными проявлениями преступности.

3. Методологические предпосылки индивидуального (как и социального) прогнозирования базируются прежде всего на диалектико-материалистической теории развития, предусматривающей принципиальную возможность его познания по детерминистическим и иным связям, на диалектическом принципе, согласно которому в любом общественном явлении, рассматриваемом в процессе развития, «всегда окажутся остатки прошлого, основы настоящего и зачатки будущего». Методологическое обоснование возможности прогнозирования поведения человека связано с детерминистической концепцией поведения, рассматриваемого в качестве результата сложного взаимодействия личности, среды и конкретной жизненной ситуации. Конечно, сложное существо человека, различные по природе его компоненты, сугубо индивидуально проявляющиеся в функциях и поведении, обуславливают трудность и специфику методологии познания и прогнозирования последнего, затрудняют практическое их осуществление, но не делают таковые невозможными.

Глава 2. Криминологическая обстановка и уголовная политика как объекты комплексного прогнозирования

§ 1. Основные черты современной криминальной ситуации и возможности ее прогнозирования

Объект прогнозирования в сфере противодействия преступности определяется ее целостным предметом и характеризуется большим комплексом различных количественно-качественных признаков (главные, второстепенные, трудно поддающиеся прогнозированию, сравнительно легко прогнозируемые и т.д.). В свою очередь, целостность предмета комплексного прогнозирования борьбы с преступностью определяет специфику его объекта, так как целостность, в данном случае, выступает как критерий определения объекта прогнозирования.

Следовательно, объектами комплексного прогнозирования борьбы с преступностью будут не отдельные социально-правовые процессы и явления, а их свойства и черты, которые выступают как целостные: а) преступность, ее виды; поведение отдельных лиц (при прогнозировании индивидуального преступного поведения); б) уголовное, уголовно-исполнительное, а при необходимости, и иное законодательство; в) отдельные уголовно-правовые и уголовно-исполнительные нормы, группы норм, институты; г) социально-правовые коллизии и ситуации общественной жизни, урегулированные и не урегулированные нормами права; д) уголовно-правовые и пенитенциарные санкции, отдельные виды наказаний, те или иные аспекты репрессии, профилактики, их эффективность и целесообразность; е) правоприменительная практика, перспективы деятельности работников государственной власти, осуществляющих борьбу с преступностью и т.д.

Мы исходим из того, что главным объектом комплексного прогнозирования является криминологическая обстановка. В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности, криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие отношение к феномену преступности и связанных с нею других форм девиантного поведения.

В современных условиях, характеризующихся обострением социальных противоречий в ходе экономических и политических преобразований, в Кыргызской Республике задачи противодействия преступностью и ее минимизации приобретают характер государственной проблемы. В структуре преступности существенно увеличиваются масштабы организованной преступности в сфере экономики, наркобизнеса, коррупция и т.д., которые приняли массовый характер, ставят под угрозу идеи реформирования страны. Негативные тенденции в преступности усугубляются повышением уровня маргинализации общества, правового нигилизма, ухудшением уровня жизни.

Имеет место самовоспроизводство преступности и иных форм антиобщественного поведения. Возрождаются проявления профессионализации преступного поведения, которые в определенной степени требуют и коррективов в деятельности правоохранительных органов и общественности. Накапливается эффект действия теневой экономики, что приводит к известному привыканию населения к ряду форм преступного поведения.

Общеизвестно, что экстремальный рост преступности связан не столько с недостатками борьбы с ней, сколько объективным состоянием общества переходного периода. Вместе с тем, существенные недостатки, связанные с организацией борьбы с преступлениями, все же имеются. И в первую очередь

они связаны с неэффективными и зачастую хаотичными попытками управления процессами борьбы с преступностью, в том числе путем использования возможностей комплексного прогнозирования.

Преступность достаточно чувствительна к целенаправленности мер противодействия. Основанные на достоверном прогнозе управленческие решения и их реализация непосредственно влияют на ее состояние.

Под состоянием преступности понимается абсолютно-количественный показатель, отражающий общее количество преступлений и лиц, их совершивших, в конкретном районе за определенный период времени. Уровень преступности характеризует распространенность, интенсивность преступлений. Необходимо заметить, что “знание уровня преступной активности в районах позволяет путем расчета её отклонений от средних по городу или области определить относительную степень “криминогенности” районов, а, следовательно, необходимость маневрирования силами и средствами для их сосредоточения в местах с наиболее сложной оперативной обстановкой” [51,с.181].

За 2011 год на территории республики всеми правоохранительными органами зарегистрировано 30520 (35528) преступлений, что на 14,0% меньше, чем за 2010 год. Рост количества совершенных преступлений отмечается в г.Бишкек (+3,2%), Чуйской области (+3,2%), Нарынской (+5,7%) и Баткенской (+2,1%), областях.

Одновременно отмечается значительное снижение тяжких и особо тяжких преступлений по республике на 38,8% (с 7425 до 4544 фактов), в том числе особо тяжких на 19,2% (с 1820 до 1469 фактов).

Практически во всех регионах республики отмечается снижение количества преступлений, совершенных в общественных местах на 3,3% (с

3710 до 3584), за исключением Нарынской и Ошской областей, где рост их составил 12,9% и 0,8% соответственно.

На 7,5% (с 1995 до 1845) снижено количество преступлений, совершенных на улицах.

Всего выявлено 15883 (14627, +1256) лица, совершивших преступления. Из них к уголовной ответственности привлечено 14971 (13932) или 94,2% (95,2%) от общего числа выявленных лиц. В том числе, 1818 (1612) женщин, 1353 (1176) несовершеннолетних, 202 (166) иностранца.

71,5% от общего количества лиц, совершивших преступления, это лица, которые на момент совершения преступления нигде не работали и не учились. Их количество возросло с 11230 до 11372 человек. Со 132 до 155 возросло количество учащихся ВУЗов и ССУЗов совершивших преступления, с 1195 до 1409 служащих и с 66 до 102 предпринимателей.

На 5,3% (с 584 до 615) возросло количество учащихся школ, совершивших преступления, в том числе в городах Бишкек (с 86 до 158) и Ош (с 27 до 56), в Нарынской (с 28 до 42) и Ошской (с 77 до 82) областях.

На 68,2% возросло количество ранее судимых лиц, совершивших преступления (с 390 до 656), в том числе в г. Бишкек (с 86 до 126, или 46,5%), Чуйской (со 137 до 328, или 139,4%), Иссык-Кульской (с 24 до 61, или 154,1%), Нарынской (с 22 до 78, или 254,5%), Ошской (с 4 до 11, или 175,0%), областях.

Иностранцами совершено 261 преступление, против 171 за 2010 год, в отношении иностранцев совершено 103 преступления, против 113 за 2010 год.

На 13,8% увеличилось число лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения (с 511 до 582) и 100,0% - в состоянии наркотического возбуждения (с 10 до 20).

По делам, оконченным следствием в отчетном периоде, на 3,3% (с 1059 до 1095) возросло количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и с их участием.

Уменьшилось количество преступлений, совершенных в группе (с 2613 до 2420), их рост произошел в г.Ош (со 146 до 151), Чуйской (с 650 до 685), Нарынской (с 69 до 161) и Ошской (с 324 до 412), областях.

В том числе, уменьшилось количество преступлений, совершенных организованными преступными группами по республике с 20 до 17 фактов, или на 15,0%.

С 68 до 54 случаев уменьшилось количество преступлений, совершенных с применением огнестрельного оружия.

С 35 до 15 случаев уменьшилось количество преступлений, совершенных с применением холодного оружия [52].

Приведенные выше цифры – количественные показатели зарегистрированной преступности последних лет. Необходимо иметь в виду, что отдельные виды преступности имеют высокую степень латентности – незаконный оборот наркотиков, коррупция, отдельные виды финансовых преступлений, например, как легализация преступных доходов. Кроме того, существует т.н. искусственная латентность, образуемая сотрудниками правоохранительных органов, которые часто руководствуясь «заботой» о благополучной статистике преступности, занимаются банальным укрытием от учета преступлений. Поэтому статистические показатели зарегистрированной преступности пока не могут служить надежным ориентиром реального состояния преступности. В среднем за последние десять-пятнадцать лет зарегистрированная преступность колебалась от 25 до 35 тыс. в год.

Обращаясь к анализу структуры и динамики преступности, необходимо помнить кроме поправки на латентность, о том, что “данные о регистрации преступлений отражают прежде всего степень активности правоохранительных органов, их ориентацию и направленность на борьбу с теми или иными видами преступлений, в частности наиболее опасными и распространенными, но не фактическое состояние явления” [53, с.91].

Тем не менее статистические показатели преступности, несмотря на их ненадежность, в сочетании с анализом социальных факторов, порождающих и способствующих преступности, при рассмотрении их во взаимосвязи с иными формами социальной патологии с учетом латентности могут, по нашему мнению, дать относительно целостное и объективное представление о масштабах и перспективах распространения преступности.

Результаты изучения состояния преступности с учетом тенденций ее развития служат не только информационной основой, но и ориентируют на принятие определенных решений по противодействию. В частности, показатели структуры “дают качественно-количественную характеристику общественной опасности преступности, ее особенностей, существенных для организации профилактики и для дифференциации практики применения уголовно-правовых мер” [54, с.69].

В настоящий период криминализация в обществе на столько высока, что близка к так называемому “порогу насыщенности общества преступностью” и характеризуется следующими очевидными показателями:

1. Всепроникающей криминализацией государственно – общественных сфер жизни, а в некоторых - ее преобладанием путем:

- 1.1. легализации криминальной среды; слияния ее с государственно – властными и реально существующими экономическими структурами; коррупции.

2. Становлением, устойчивостью, активизацией и дифференциацией профессиональной преступности, а соответственно, профессиональных преступников (имеется в виду разно уровневая преступность: от международных синдикатов до микро криминального социума), путем:

2.1. имеющегося спроса и предложения как на само социальное явление, которое, как ни парадоксально, используется самим государством (например, в виде политической идеологии (образа врага), политического и уголовного терроризма, экстремизма, фундаментализма и т.д.);

2.2. имеющегося спроса и предложения на рынок криминальной рабочей силы или профессиональных преступников, так как последние все чаще привлекаются широкими социальными слоями, для разрешения различного рода конфликтов (вымогательство, шантаж, “разборки” с обидчиками, конкурентами в карьере, семейных и иных отношениях). При этом заметим, что конфликты подчас правовые, то есть разрешать их призваны государственные и правоохранительные органы.

3. Окончательным определением (распределением) сфер преступного влияния и рынков сбыта разно уровневыми криминальными структурами, путем:

3.1. охвата этими структурами, практически без исключения, всех социально-экономических сфер, включая государственное строительство и политику, а также использования методов и способов контроля над этими сферами (вопрос лишь в объеме этого охвата); сосредоточения на определенно - конкретных территориях (рынках сбыта) сил и средств криминального характера, их координации, взаимоотношений и “альтернативно - правового” регулирования.

4. Контролем со стороны государства, через его специальные органы, аналитико-исследовательские и иные подразделения, за всеми без

исключения криминальными структурами (профессиональными преступными группами, коррумпированными лидерами и т.д.), в целом над преступностью, как социальным явлением, с помощью:

4.1. общепринятых, общеизвестных мировой и отечественной практике совокупности мер и способов борьбы с преступностью, в том числе и сугубо полицейского характера (оперативно-розыскными мерами);

4.2. влияния на преступность законодательными мерами;

4.3. проведения “жесткой” либо “мягкой” уголовной политики, в том числе и путем материально-технического стимулирования органов внутренних дел или отсутствием такого стимулирования (здесь необходимо четко оговорить, что общеизвестная презумпция: “дешевая полиция дорого обходится государству” может игнорироваться тем же государством только специально) [55, с.34].

Как адекватную реакцию большинства населения страны на указанные процессы следует отнести (отметить): разрыв в правосознании людей связи ценностных ориентаций и соответствующих средств их достижения; выработку нигилистического стереотипа к правопониманию и правопослушанию у индивидов. Эту существенную особенность в правосознании населения необходимо принять как реальность и не мифицировать обратное.

Очевидно, что в настоящее время практически любой преступной деятельности присущи основные законы политической экономики, как рыночной, так и общественно-распределительной. Этот показатель имеет положительный аспект для органов, ведущих борьбу с преступностью, которые должны использовать известные закономерности рыночной и политической экономики в комплексном прогнозировании и непосредственном воздействии над преступностью.

В целях организации эффективного противодействия я преступности объекты комплексного прогнозирования, должны подвергаться структурному анализу, следует выявлять их внешние связи, закономерности функционирования и развития. В этом плане остановимся на описании таких объектов прогнозирования, как криминогенные процессы и ситуации, уголовная политика и профилактика [11, с.87].

Прогнозирование криминогенных процессов опирается на теорию причин преступности и теорию криминогенной детерминации, разработанные советскими криминологами.

Вместе с тем основная трудность состоит в том, что теория причин преступности практически весьма слабо представляет криминогенные процессы, явления и ситуации в их онтологическом аспекте, в частности как реально существующий и развивающийся процесс. Основное внимание сосредоточивается на генетической роли тех или иных явлений. Скажем, велись определенные обсуждения криминогенной роли миграционных процессов. Исследован механизм их воздействия на поведение его передаточные звенья, промежуточные результаты. Стало ясно, что порождающую функцию выполняют не миграционные процессы в целом, а их «теневые стороны», негативные последствия. Но все же развитие этих «теневых сторон», их накопление остаются вне внимания криминологии. Между тем, по всей вероятности, через известное время они будут не такими, как в настоящее время. Это же относится к ряду экономических явлений.

В криминологии в общем говорилось о негативной роли недостатков в хозяйственной деятельности, организации распределения и других явлений. Однако динамика этих процессов, качественные изменения в их негативном воздействии на поведение людей, в продуцировании преступности были

выявлены не в рамках криминологии. Хотя, конечно, можно предполагать, что криминологические данные сыграли свою роль.

Таким образом, первый подход к описанию прогнозируемого объекта связан с получением его онтологической характеристики, т.е. с представлением его в виде явления, имеющего определенную предметную основу, обладающую качественными и количественными характеристиками и в принципе находящуюся в состоянии развития.

Для предметного описания криминогенных процессов, взятых вначале в статистике, необходимо применить ряд исследовательских приемов. Указание на них не исчерпывает проблему, но, возможно, вносит некоторый вклад в ее решение.

Прежде всего необходимо развить дифференцированный методический подход к понятиям «причины», «детерминанты», «факторы», «источники причин», «причинное и детерминирующее воздействие», «причинный эффект», т.е. необходимо отказаться от непродуманного, безотчетного использования категорий «причина», «детерминант», поскольку в действительности они скрывают за собой совершенно разные стороны социальной действительности.

Не отвлекаясь на теоретический анализ достаточно сложных структурных элементов процесса детерминации, укажем на то, что при прогнозировании его тенденций и состояния на избранный временной отрезок необходимо исследовать:

А) источники криминогенного воздействия, предметное выражение которых связано с производственной (в широком смысле этого слова) и социальной инфраструктурой, соотношением отдельных групп населения, их потребностями, интересами, морально-политической и социально-правовой позицией, общественным мнением и т.д.;

Б) криминогенные и антикриминогенные детерминирующие связи (воздействия), которые обладают различными характеристиками, в частности такими, как интенсивность, непрерывность, направленность и др.;

В) криминогенный эффект, под которым следует понимать как саму преступность, что совершенно очевидно, так и различного рода длящиеся негативные последствия, включившиеся в процесс криминогенной детерминации.

Выделение этих элементов процесса детерминации, в частности ее предметной основы, обеспечивает реализацию системного подхода, т.е. анализ объекта в его взаимосвязях, но далеко не полностью снимает существующие трудности, хотя, на наш взгляд, их существенно облегчает.

Вместе с тем следует рассмотреть возможность применения двух приемов прогнозирования криминогенных процессов, основанных на необходимости получения онтологической характеристики. Речь идет об использовании индикаторов криминогенных процессов и явлений. В каждом явлении есть качества не отражающие его природы, сущностных сторон, но постоянно эти явления и процессы сопровождающие. Например, достаточно надежным индикатором урбанизации, оживления экономических связей соответственно является рост внутригородских и междугородных автобусных поездок. Важно правильно оценивать реальную информационную нагрузку индикатора и, смешивая его с причиной, делать на его основании необходимые выводы.

Следующий методический прием заключается в выделении проблемных ситуаций в предметной основе детерминационных процессов. По существу, разновидностью проблемных ситуаций являются выделяемые в ходе исследования такие группы населения, как группы повышенного риска. Вместе с тем применительно к задачам прогнозирования категория этих

ситуаций должна использоваться значительно шире. Она позволяет давать образ событий состояния процесса. Само выделение и описание проблемной ситуации представляет собой существенный шаг в познании детерминационных процессов. Криминогенные ситуации можно подразделить на общие характеризующие положение дел в целом, и частные. Так, при разработке прогноза, опыт которого освещается в настоящем сборнике, выделялись на основе коллективного обсуждения следующие проблемные ситуации, значимые для получения прогностических данных:

- криминогенность возрастных и профессиональных групп выраженная через показатели криминологического и общедемографического характера;

- миграционные и урбанизационные ситуации, описываемые также на основе ряда известных криминологических характеристик;

- ситуации в производственной, социальной инфраструктуре, переданные через рост производства, обслуживания, размещения народнохозяйственных и социально-культурных объектов;

- ситуации удовлетворения потребностей, выраженные как через характеристику самих потребностей, так и через способы и степень их удовлетворения легальными и нелегальными путями;

- ситуации отдельных видов поведения, в частности пьянства и алкоголизма, наркомании, поведения в сфере межнациональных отношений, вандалистского поведения.

Данный перечень ситуаций представлен неполно и в обобщенном виде. Его использование может быть вариативным при достаточно четком определении целей. Наряду с этим необходимо обязательно использовать еще один прием, указанием на который целесообразно завершить описание предметной онтологической характеристики детерминационных процессов. Речь идет о четком определении временных и (в данном случае это основное)

пространственных граней объекта, ограничении его некоторыми признаками (виды поведения, признаки личности и др.).

Онтологическая, предметная характеристика криминогенных процессов, естественно, должна быть дополнена и характеристикой их движения, ибо есть смысл прогноза. Объект прогноза должен быть дан в развитии.

Особое значение здесь имеют: упоминавшаяся интенсивность детерминирующего воздействия, которая представляет собой меняющуюся величину, зависящую от ряда параметров источников детерминирующего воздействия; степень напряженности криминогенной ситуации, в свою очередь, выраженная через рост ряда ее характеристик.

Рассмотрим структурные элементы модели детерминации преступности.

Факторный комплекс 1 (социальные противоречия). Здесь ведущую роль играют противоречия в экономической сфере (в частности, противоречия между возрастающими потребностями в содержательном труде и возможностями их удовлетворения).

Исследователи указывают на негативные криминологические последствия противоречий в сфере распределения потребления материальных благ. Известно, что «бедность – мать преступления». Выражение, ставшее классическим более века назад, актуально и сегодня. Показатели социально-экономического характера в республике одни из самых худших в странах СНГ и продолжают оставаться таковыми. Имевшие место два политических переворота (революции) 2005 и 2011 г.г. были обусловлены обострением социально-экономических противоречий.

Серьезное влияние на преступность продолжает оказывать недостаточное развитие жилищно-бытовых условий, особенно молодежи. Речь идет не только о количестве, но и о качестве жилья, существенно организуемого образ жизни. Сохраняющиеся здесь недостатки создают

реальные предпосылки для распространения взяточничества, хищений, сохраняется конфликтность бытовой сферы. Известно также, какое негативное влияние на криминологическую обстановку оказывает сохраняющееся противоречие между досуговыми потребностями и уровнем развития досуговых услуг и т.д.

Имеются противоречия и в сфере собственно социальной, в сфере функционирования многих общественных институтов, в сфере воспитания, управления и т.д. Конкретные криминологические исследования дают подробные «развертки» подобного рода факторов.

Какова основная характеристика рассмотренного факторного комплекса? По нашему мнению, она состоит в одно направленности криминогенного влияния: от факторов среды – к параметрам преступности. Обратным влиянием процесса преступности на эти факторы в интересах анализа можно (в определенном смысле) пренебречь.

Факторный комплекс 2 (уголовная политика, социальный контроль, деятельность правоохранительных органов). Он находится с преступностью в более сложной детерминированной связи, поскольку не только влияет на состояние правопорядка, но и сам находится под его воздействием в том смысле, что, прежде чем будут определены цели, задачи борьбы с преступностью, разработаны меры, выделены ресурсы и т.п., преступность (ее интенсивность, динамика и др.) сама должна быть всесторонне оценена субъектами уголовной политики.

На высших (директивном и законодательном) уровнях основные положения и принципы уголовной политики сложились в 50-60-е годы. Основными чертами ее стали опора на предупреждение преступности. Однако последние 20 лет показали, что и в уголовной политике имеются просчеты, обострились определенные противоречия.

Свидетельством противоречий в уголовной политике является, например, характер изменений в уголовном законодательстве: на словах много и с энтузиазмом говорилось о депенализации, декриминализации, а на деле происходило расширение сферы уголовно-правового воздействия за счет именно криминализации ряда деяний. Так, с 1997 г. по 2011 г. в УК КР было введено дополнительно свыше 30 статей. Как показывают выборочные исследования, в структуре современной преступности преступления, предусмотренные новыми нормами, составляют не менее 7%.

На уровне правоохранительных органов важными факторами уголовной политики, оказывающими существенное влияние на уровень регистрируемой преступности, являются:

- А) изменение штатной численности (экстенсивный фактор);
- Б) изменение в технической оснащенности;
- В) уровень регистрационной дисциплины;
- Г) интенсификация труда работников правоохранительных органов.

Факторный комплекс 3 (самовоспроизводство преступности, рецидив, криминальное заражение). Преступность, как всякий социальный процесс, обладает механизмом своего собственного воспроизводства. Ядром и «энергетическим» потенциалом этого механизма является рецидив. Как носители асоциальных опыта и установки, рецидивисты «заражают» лиц неустойчивым или деформированным правосознанием. При этом широко используются различные формы социального общения. Известно, например, какой силы асоциальный «заряд» несут семьи, в которых есть ранее судимые. Так, по данным выборочного исследования, проведенного во ВНИИ МВД СССР, у каждого четвертого-пятого лица, впервые совершившего преступление, кто-либо из взрослых членов семьи ранее привлекался к уголовной или административной ответственности [56, с.54].

К криминогенным факторам относятся, конечно, не только социально-патологическая роль рецидива, но и его собственные количественные и качественные изменения.

Факторный комплекс 4 (население, человеческий фактор).

Факт, что в числе преступников наши социальные слои имеют разное представительство, стал криминологической аксиомой. По существу, исследователи давно пользуются некоторой моделью криминологической стратификации, когда говорят о криминальной активности различных групп населения.

Криминологическая характеристика той или иной группы населения, в свою очередь, зависит от ее демографических, социальных, социально-психологических, психологических характеристик, принадлежности к той или иной национальной, региональной общности. Все эти свойства населения (характеристики, принадлежности), по нашему мнению, относятся к рассматриваемому факторному комплексу.

Хотя в большинстве своем эти характеристики являются отражением, кумулятивным выражением всех иных социальных процессов, однако не следует забывать и о так называемой целевой (волевой) детерминации поступков деятельности.

Предпринятый краткий обзор факторных комплексов – детерминантов процесса преступности – свидетельствует о том, что они представляют вместе с последней систему, которая по своим важнейшим характеристикам (наличие прямых и обратных положительных и отрицательных связей, иерархическая структура и т.д.) принадлежит к сверхсложным. Системы этого класса не могут быть в общем виде описаны с помощью математической модели. Отсюда понятно, почему в силу ряда обстоятельств (в частности, из-за недостаточного уровня развития математического

аппарата) попытки в настоящее время построить полную и адекватную прогностическую модель преступности были безуспешными. Поэтому к адекватному и полному построению прогностических моделей (в том числе региональных) криминологи идут путем приближений. С фактором сверх сложности связаны, и попытки решать проблемы прогноза так называемыми интуитивными методами.

При общей оценке рассматриваемого факторного комплекса следует отметить, что криминологи в целом правомерно констатируют: согласно экспертной оценке «девять десятых криминогенных факторов первичной преступности требуют мероприятий по их устранению на общесоциальном уровне». Решающий вес комплекса общесоциальных детерминантов преступности (в целом) подтверждается и результатами моделирования.

Проблемы, стоящие на пути более широкого изучения факторов самодетерминации преступности и их использования в прогнозировании, общеизвестны.

Во-первых, это трудности операционализации. На сегодняшний день не разработаны подходы к количественной оценке уровня правосознания граждан, их иммунитета относительно вовлечения в противоправную деятельность с учетом дифференциации по социальным слоям, по национальной, территориальной принадлежности и т.п.

Во-вторых (и это связано с уже указанным кругом проблем), нет необходимого объема социальной статистики в стране. Криминологам, как и всем социологам, сложно анализировать демографические процессы, состояние таких институтов, как семья, школа и т.д.

Используя свойство относительной устойчивости, можно сделать выводы о будущем состоянии преступности в конкретном регионе, например: этот регион, вероятнее всего останется в той же самой группе

регионов в течение ближайших 3-5 лет, а изменения преступности «не выйдут» за рамки изменений во всей группе регионов.

При прогнозе криминологической обстановки учитываются максимально возможный набор параметров преступности и ее детерминант. Оптимальный срок этой работы – около 6 месяцев. В течение этого времени последовательно по строгому графику осуществляются следующие мероприятия:

1. Создание рабочих групп, выделение руководителя, его заместителя и координатора-диспетчера.

2. Разработка проекта программы и технических заданий группам, обсуждение и утверждение этих документов; детализация группам методик, опробование их и заявки на информацию.

3. Разработка схем сбора и систематизации информации, подготовка и рассылка запросов, организация выборочных исследований.

4. Корректировка программы и технических заданий в соответствии с фактическим объемом полученной информации и результатами опробования методик.

5. Расчеты, оценки.

6. Описание полученных данных, качественная интерпретация результатов расчетов; сопоставление полученных выводов, увязка их в систему, выявление и устранение (объяснение) противоречий.

7. Формулирование рекомендаций об оптимальных управленческих решениях и реальных рубежах положительных изменений, которых можно достичь по каждому варианту. Обсуждение прогноза.

8. Сопоставление через год прогноза и реальных тенденций преступности и борьбы с ней. Объяснение расхождений, если они возникли, и корректировка выводов [10, с.14].

Следует еще раз подчеркнуть, что результаты прогнозирования будущего состояния криминологической обстановки никогда не могут быть абсолютными. Будущее всегда многовариантно. Оно зависит от мер, принимаемых субъектами противодействия преступности, от проводимой уголовной политики.

Проф. Жалинский А.Э. справедливо отмечает, что объекты криминологического прогнозирования изменяются с разной скоростью и глубиной. Так, динамика ряда преступлений, а в особенности имеющих малую латентность, может быть описана как достаточно устойчивая и в принципе редко дающая неожиданные перепады. В то же время социальные условия претерпевают в ряде случаев большие изменения. Теоретически это явление было зафиксировано советскими криминологами как «криминальное эхо», т.е. наличие разрыва между временем социальных изменений и изменениями преступности. Этот разрыв в принципе существует, отражая то обстоятельство, что изменения социальных условий разнообразнее, чем изменения преступности [11, с.24].

Наряду с повышением количественной точности прогноза, имеющей свои пределы, целесообразно работать над повышением его качественной точности, что и достигается путем охвата различных сторон социальной действительности, данные о которых взаимоуточняют друг друга. Поэтому повышение точности прогноза следует представить как задачу конкретную, соотносимую с теми управленческими и стратегическими решениями, которые обслуживает и обеспечивает прогноз.

В правоприменительной практике возможно использование краткосрочных и среднесрочных прогнозов преступности и борьбы с ней как базы для комплексного и линейного планирования: целевых программ, специальных разделов планов экономического и социального развития,

комплексных (координационных) планов борьбы с преступностью. При таком подходе планы включили бы в себя в качестве обоснования анализ развития ситуации за предыдущий прогнозный цикл (с оценкой правильности ориентации работы) и прогноз за следующий цикл. Это позволило бы: оптимизировать планирование, исходя из прогнозируемых вариантов изменений преступности и возможностей воздействия на нее; конкретизировать намечаемые мероприятия по целям, срокам, кругу исполнителей, ресурсному и иному обеспечению; обеспечить разработку и реализацию их как частей единой системы, имеющей определенную перспективу [10, с.13].

Выводы:

1. . В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности, криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие отношение к феномену преступности и связанных с нею других форм девиантного поведения. История и современное состояние преступности не позволяют относиться к этому явлению как к преходящему и искоренимому в принципе. Из этого, однако, не следует что государство бессильно, например, перед коррупцией и организованной преступностью. Наиболее положительные результаты в борьбе с этими явлениями удается достигать в периоды социального спокойствия посредством правильного сочетания экономических, политических, организационных, правовых мер.

2. Необходимо разработать и внедрить научно-обоснованную, основанную на апробированных методиках прогнозирования систему мониторинга криминальной ситуации. Основываясь на ней, с учетом анализа отечественного и зарубежного опыта определить ту систему мер, от реализации которых можно ожидать постепенного улучшения

неблагоприятной криминальной ситуации, обосновать необходимые для реализации этих мер организационно-тактические решения и финансовые затраты, а затем – объективно оценить их результативность.

3. При прогнозе надо учитывать не только ретроспективу анализируемых явлений (их фактическую, а не отчетную динамику за пятьдесят предшествующих лет), но и социальную обстановку в республике. В частности, поскольку кризисная ситуация в Кыргызстане – экономическая, политическая, психологическая и т.д. – лишь постепенно будет ограничиваться стабилизационными тенденциями, можно ожидать достаточно интенсивного влияния на уровень преступности таких процессов, как нестабильность политической ситуации, безнадзорность и дезориентированность значительной части подростков и молодежи; безработица; коррупция, криминогенное воздействие теневой экономики и криминальной субкультуры и т.п.

4. Можно предположить три сценария развития криминальной ситуации на краткосрочную или среднесрочную перспективы. В основе сценария 1 лежит идея механической экстраполяции наблюдаемого явления. Сценарий 2 предусматривает максимально возможное в пределах реального преобразования наблюдаемых тенденций в благоприятную сторону (верхняя экстрема). Сценарий 3 предполагает максимально возможное видоизменение наблюдаемых тенденций в неблагоприятную сторону (нижняя экстрема). Устойчивость и взаимодействие совокупности криминогенных факторов на фоне бессистемности и неэффективности мер профилактики преступности, политики противодействия преступности в целом, не позволяют предположить оптимистичный сценарий даже в среднесрочной перспективе.

§ 2. Уголовная политика как объект комплексного прогнозирования

Весьма важными объектами прогнозирования являются уголовная политика и профилактика. Суть дела состоит в том, что они представляют собой антикриминогенные факторы и, таким образом, достаточно тесно связаны с развитием процессов криминогенной детерминации. В частности, именно вариациями в развитии уголовной политики и профилактики во многом объясняются возможные варианты в развитии хода событий.

Анализ и описание уголовной политики и профилактики как объектов прогнозирования в принципе более просты, чем аналогичные процедуры познания, осуществляемые в отношении процессов криминогенной детерминации. Но и здесь важно выделить показатели, более или менее адекватно и информативно отражающие объект. К таким показателям, в частности, относятся: состояние уголовного и обеспечивающего его законодательства, что особенно важно в настоящее время, когда проводится реформа действующего уголовного права; кадровый потенциал правоохранительных органов, и в частности ведущих служб органов внутренних дел; действительная и потенциальная эффективность профилактических мер, которая вычисляется довольно сложно, но в принципе поддается измерению на статистическом, так и на динамическом уровнях, и др.

Изложенные соображения не раскрывают, естественно, самого характера уголовной политики и профилактики как объектов прогнозирования. В то же время они достаточно наглядно, на наш взгляд, показывают необходимость прогнозирования их тенденций с целью

получения всеобъемлющей картины положения дел в сфере противодействия преступности.

Термин «политика» (от греч.«polis» - город, государство) получил распространение под влиянием известного трактата Аристотеля о государстве, правлении и правительстве, который был назван им «Политика». В основе классического понимания сути политики лежит категория совместного участия граждан в решении общих дел, т.е. в управлении государством [57, с.251].

Составной частью политики с момента возникновения государства и права является уголовная политика. Вместе с тем, само словосочетание «уголовная политика» впервые было введено в научный оборот, по-видимому, сравнительно недавно - в 1804 г., известным немецким криминалистом – «отцом» Баварского уголовного уложения 1831 г. Паулем Иоганном Ансельмом Фейербахом, основной заслугой которого специалисты считают формулирование основных принципов уголовного права [58, с.440].

Продолжающаяся более двух столетий разработка понятия уголовной политики, как показывает анализ, не позволяет говорить о том, что соответствующий термин окончательно сформировался. Понятие «уголовная политика» остается многозначным и не имеющим нормативно закреплённого определения, несмотря на то, что такие попытки неоднократно предпринимались [59, 60, 61, 62]¹.

¹ К примеру, в разделе 1 положений Федеральной программы Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы впервые нормативно закреплялось предложение разработать проект Основ государственной политики борьбы с преступностью, содержащий основные концептуальные положения деятельности органов государственной власти и управления по противодействию преступности, компетенцию Федерации, ее субъектов, органов местного самоуправления данной сфере, замысел и цели борьбы с преступностью на ближайший период.

Одним из первых развернутое определение понятия уголовной политики было дано немецким ученым Францем фон Листом в 1894 г. Уголовная политика в широком смысле по его мнению означает «совокупность оснований, опирающихся на научное исследование причин преступления и действия, производимого наказанием, - оснований сообразуясь с которыми государство при помощи наказания и родственных ему институтов должно бороться с преступлением» [63, с.7]. По мнению Ф.Листа ни термин «уголовное право», ни термин «карательные науки», ни термин «криминология», ни термин «пенология» не могут заменить данного понятия.

Значительный вклад в разработку понятия уголовной политики в России внесли С.К.Гогель [64] и М.П.Чубинский [65], которые одними из первых предприняли попытку систематически описать развитие уголовно-политических воззрений. При этом уголовная политика понималась ими достаточно узко в сравнении с современным ее пониманием. Так проф. М.П. Чубинский писал, что под уголовной политикой следует понимать «ветвь науки уголовного права, призванную выработать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства» [65, с.52].

Сразу после победы в России в 1917 г. социалистической революции понятие уголовной политики активно разрабатывалось Г.Ю.Маннсом, А.А.Пионтковским, Н.В.Крыленко [66], и некоторыми другими специалистами, которые также рассматривали уголовную политику как часть уголовного права.

Так, А.А.Пионтковский в 1928 году писал, что «превращение уголовной политики пролетарского государства в науку является важнейшей

задачей современной марксистской теории уголовного права. Без теоретической разработки уголовной политики в наше время нельзя говорить о марксистской теории уголовного права» [67, с.61].

Значение близкое к современному понятие уголовной политики приобретает лишь во второй половине 50-х – начале 60-х гг. прошлого века в работах А.А.Герцензона и А.С.Шляпочникова, которым удалось показать, что проблемы уголовной политики далеко выходят за пределы предмета науки уголовного права [68, с.161-163; 69, с.179].

Значительный вклад в формирование современного понятия уголовной политики внесли: Г.А. Аванесов, А.И. Алексеев, М.М. Бабаев, Н.А. Беляев, С.В. Бородин, С.С.Босхолов, В.А. Владимиров, С.Е.Вицин, Л.Д. Гаухман, П.Ф. Гришанин, П.С. Дагель, А.Э.Жалинский, Б.Ж. Жунусов, Н.И. Загородников, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, М.П. Клейменов, Г.Ю. Лесников, М.И.Ковалев, Б.В.Коробейников, Н.Ф. Кузнецова, В.И.Курляндский, Ю.И. Ляпунов, С.В.Максимов, С.Ф. Милюков, Г.М. Миньковский, П.Н. Панченко, Э.Ф. Побегайло, А.Р. Ратинов, В.П.Ревин, Д.В. Ривман, В.Я. Рыбальская, А.Б. Сахаров, Н.А. Стручков, В.В. Орехов, А.Я.Сухарев, В.С. Устинов, А.М. Яковлев, Б.В. Ястребов, многие из которых являются школы уголовной политики, сформировавшейся в Академии МВД СССР¹.

Как показал выполненный нами анализ, в современных исследованиях под уголовной политикой понимается система включающая:

- совокупность идей борьбы с преступностью с использованием средств законодательства криминально-правового комплекса (уголовно-правовой борьбы с преступностью в широком значении этого понятия),

¹ В настоящее время - Академия управления МВД РФ.

включая принципы, основные направления, средства и методы такой борьбы;

- систему субъектов формирования и реализации уголовной политики;
- деятельность по борьбе с преступностью уголовно-правовыми средствами (в широком значении этого понятия), включая деятельность по формированию и реализации законодательства криминально-правового комплекса;
- собственно законодательство криминально-правового комплекса (уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное, оперативное розыскное законодательство, законодательство, регламентирующее предупреждение преступности и отдельных ее видов);
- систему подготовки специалистов в области управления борьбой с преступностью.

В основе результаты этого анализа совпадают с позицией кафедры уголовно-правовых дисциплин и организации профилактики преступлений Академии управления МВД России, в рамках которой предлагается выделять пять уровней (аспектов) уголовной политики: 1) концептуальный (теория уголовной политики, ее доктрина); 2) законодательный; 3) нормативно-программный; 4) управленческий; 5) правоприменительный [70, с.24-25].

Вместе с тем, мы полагаем, что управленческий аспект уголовной политики в основе поглощает нормативно-программный ее аспект.

Таким образом, сегодня используется три основных значения понятия уголовной политики: 1) уголовная политика как наука, 2) уголовная политика как функция, деятельность государства [71, с.4], как составная часть

социальной политики вообще [72, с.94]; 3) уголовная политика как учебный курс¹.

Изучение различных точек зрения на содержание понятия «уголовное политика» в рамках каждого из этих трех значений позволяет заключить, что дискуссию о содержании данного понятия вряд можно считать завершившейся.

Так проф. П.Г.Пономарев под уголовной политикой понимает направление государственной деятельности, определяющее стратегию и тактику предупреждения и сдерживания преступности путем использования правовых и неправовых средств, выражающееся в виде системы государственных директив, уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, уголовно-исполнительных и иных нормативных предписаний [73, с.15].

Иного мнения придерживается проф. Л.Д. Гаухман считающий, что уголовная политика – «это закрепленные в законе, соответствующие сущности социально-экономической формации и отношениям классов и слоев населения между собой и с государством и правительством направления охраны общественных отношений от преступных посягательств» [74, с.18]. Таким образом, по мнению проф. Л.Д.Гаухмана уголовная политика не может осуществляться «неправовыми средствами», о которых пишет проф. П.Г.Пономарев.

Значительно более широкое определение уголовной политики предлагает проф. И.А.Исмаилов считающий, что уголовная политика представляет собой направление деятельности государства, осуществляемое на уровне политического руководства, управления, принятия и реализации

¹ Признанием самостоятельности последнего, на наш взгляд, следует считать введение в начале 80-хх гг. прошлого столетия соответствующего специального учебного курса практически во всех вузах системы МВД СССР и создание в Академии МВД СССР кафедры уголовной политики, наименование которой, сегодня, к сожалению, не сохранилось.

конкретных решений и имеющее основным назначением определение и реализацию задач, форм и содержания целенаправленных мер борьбы с преступностью (воздействия на нее), организацию и обеспечение оптимального функционирования и развития этой системы на надлежащей идеологической, правовой, информационной, ресурсной базе и во взаимодействии с другими социальными системами» [75, с.15].

Аналогичного мнения придерживается и проф. Я.И. Гишинский, полагающий, что уголовная политика может быть выражена и явно (в правовых документах), и неявно – в деятельности государства и его органов по противодействию преступности [76, с.55].

На наш взгляд, в этом определении утрачивается связь цели и содержания уголовной политики.

Дуализм современных определений понятия уголовной политики в свое время вслед за П.С.Дагелем и С.В.Бородиным был подмечен еще Г.М.Миньковским, который писал, что данный термин используется современными авторами преимущественно в двух значениях: а) широком - для обозначения задач. Форм, средств, стратегии и тактики борьбы с преступностью в целом; б) для обозначения задач. Форм, средств, стратегии и тактики одной из подсистем этой борьбы (наряду с профилактической), связанной с применением уголовно-правовых мер [70, с.24].

На наш взгляд, эта терминологическая неустойчивость может быть преодолена лишь посредством нормативное закрепления определений понятий «уголовная политика» (политика борьбы с преступностью средствами криминально-правового комплекса) и «политика борьбы с преступностью» (политика борьбы с преступностью профилактическими средствами и средствами криминально-правового комплекса).

Самостоятельную научную проблему составляет вопрос о структуре уголовной политике. В научной литературе он обычно рассматривается через призму отраслевой пирамидальной модели уголовной политики, в основании которой находится уголовно-правовая политика, а вершину образует политика профилактики преступности.

Последовательные представители такого подхода к пониманию структуры уголовной политики, проф. А.И.Коробеев, проф. А.В.Усс и проф. Ю.В. Голик вслед за П.С.Дагелем, Г.М.Миньковским и Н.И.Загородниковым [77] в начале 90-х гг. прошлого века, писали, что уголовная политика - это «генеральная линия, определяющая основные направления, цели и средства воздействия на преступность путем формирования уголовного, уголовно-процессуального, исправительно-трудового законодательства, практики его применения, а также путем выработки и реализации мер, направленных на предупреждение преступлений» [78, с.11].

Таким образом, названные исследователи выделяют следующие части уголовной политики: собственно уголовно-правовую, уголовно-процессуальную, уголовно-исполнительную, а также криминологическую политику [79, с.10-11]. При этом следует подчеркнуть, что непрерывное развитие отраслевой структуры криминально-правового комплекса объективно ведет к необходимости пересмотра соответствующей структуры уголовной политики.

Значительно более широкий подход к определению структуры уголовной политики (проф. П.Г.Пономарев, проф. И.А.Исмаилов, и др.) допускает возможность включения в нее административной [80], и даже конституционной политики борьбы с преступностью [81, с.22].

На наш взгляд, подобный расширительный поход к определению структуры уголовной политики вряд ли оправдан. По нашему мнению,

корректнее говорить не об административной (конституционной) политике борьбы с преступностью, а об использовании административно-правовых (конституционно-правовых) средств в политике борьбы с преступностью. Данная научная коллизия возникает в результате не вполне корректного, на наш взгляд, понимания бланкетной природы уголовного закона, когда отдельные уголовно-правовые предписания (части гипотезы, диспозиции или санкции уголовно-правовых норм) могут закрепляться в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности [82, с.220-253]. Из того, что в Конституции страны закреплено положение о недопустимости применения смертной казни к несовершеннолетним и женщинам вытекает существование не конституционной уголовной политики, а конституционного закрепления отдельных уголовно-правовых предписаний (уголовно-политических предложений).

Также можно признать уязвимым и «сверхузкий» подход к определению содержания уголовной политики, при котором она сводится к собственно уголовно-правовой политике, которая, несомненно, составляет основу уголовной политики в любом значении данного понятия, либо к политике предупреждения или устранения преступности [81, с.29].

Ближе всех, по нашему мнению к определению действительных структурных границ уголовной политики подошли сторонники взгляда на уголовную политику как функцию криминально-правового комплекса в целом.

Так, по мнению проф. Л.Д.Гаухмана уголовная политика, являясь «многокомпонентной системой, состоит из ряда относительно самостоятельных подсистем, которые в совокупности комплексно воздействуют на преступность как антисоциальное явление в направлении ее нейтрализации, сокращения и вытеснения из жизни общества. К

подсистемам относятся уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика».

К числу относительно обособленных частей уголовной политики, на наш взгляд, допустимо относить также оперативно-розыскную политику, воплощенную в соответствующем законодательстве, а также политику профилактики преступности, которая до настоящего времени не получила адекватного закрепления в законодательстве КР [83]¹.

Таким образом, основным критерием для выделения той или иной части (вида) уголовной политики в рамках структурно отраслевого подхода служит включение борьбы с преступностью (отдельными видами преступлений) в предмет правового регулирования в рамках соответствующей отрасли законодательства.

Одновременно нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что, что структура уголовной политики не исчерпывается отраслевой пирамидальной моделью. Критериями структурирования уголовной политики, как показывает анализ практики формирования и реализации уголовной политики в КР являются: 1) ее *объектный состав* (воздействие на преступность в целом, отдельные ее виды и разновидности, причины и условия преступности, последствия преступности); 2) ее *субъектный состав* (органы государственной власти, уполномоченные на формирование уголовной политики; органы государственной власти, уполномоченные на реализацию уголовно-политических мер; органы государственной власти,

¹ Более благоприятной в данном отношении представляется нам ситуация в РФ, где действует несколько федеральных законов, направленных на профилактику преступлений. См., например: Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 года №120-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999. №26. Ст. 3177; 2004. №35.Ст. 3607.

контролирующие формирование и реализацию уголовной политики); 3) *мера конкретизации* уголовно-политического воздействия (стратегическая и тактическая уголовная политика); 4) *срочность* (постоянная, не ограниченная конкретным сроком или событием уголовная политика; меры ограниченные конкретным сроком); 5) *приоритетность* формирования и реализации мер уголовной политики (первоочередные меры; последующие меры; меры, принимаемые и реализуемые при благоприятных условиях); 6) *гуманитарное содержание* мер уголовной политики (репрессивные; контрольные; профилактические).

В научной литературе можно встретить и иные критерии структурирования уголовной политики [84, с.117-125], которые предлагаются в зависимости от характера решаемых научных и практических задач борьбы с преступностью. Применительно к условиям современного Кыргызстана ключевыми для формирования новой – адекватной политическим и экономическим реалиям модели уголовной политики и соответственно наиболее ценными для исследования нам представляются гуманитарное содержание уголовной политики и ее субъектный состав.

В настоящее время политическое руководство Кыргызстана оказалось перед сложным выбором: немедленно изменить гуманитарное содержание национальной уголовной политики, объявив ее реальными приоритетами (сопроводив это соответствующими изменениями в республиканском бюджете) профилактику преступлений и контроль над преступностью или делать это постепенно по мере создания необходимой экономической и нравственной основ. На это могут уйти десятилетия, а возможно и столетия. Необходимо также учитывать, как справедливо замечает проф. С.В.Максимов, что «кризисы принуждают государства «вспоминать» о

старых, грубых рецептах лечения социальных болезней. Устрашение – скрытое или явное, осознанное или бессознательное – в таких случаях привычно открывает перечень лекарств» [85, с.131]. В этой связи, как это ни парадоксально, для поддержания демократических преобразований, новая власть, скорее всего, еще некоторое время будет вынуждена сохранять уголовную репрессию на достаточно высоком уровне. На вынужденность этой меры указывают периодически возникающие на фоне президентской избирательной кампании массовые беспорядки, массовые грабежи и самоуправство.

Крайне сложную для решения проблему представляет собой задача формирования круга субъектов формирования и реализации уголовной политики, адекватного задачам гуманитарной реформы национальной уголовной политики¹. Ключевыми направлениями решения этой задачи нам представляются:

- расширение круга органов государственной власти и местного самоуправления, имеющих функцию предупреждения преступлений в качестве основной или одной из основных своих внешних функций и
- развитие негосударственного сектора субъектов профилактики преступлений и контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Для решения этих частных задач, на наш взгляд, потребуется законов «О профилактике преступлений» [86, с.5-24] и «О негосударственных организациях в сфере борьбы с преступностью». Считаем также полезным воспользоваться в этой связи российским опытом создания Общественной палаты, которая имела бы функцию контроля над нормотворческой деятельностью исполнительных (в том числе правоохранительных) органов власти по реализации мер уголовной политики.

¹ Подробно этот вопрос рассматривается в параграфе 2 главы 2 диссертации.

Однако, даже если на в короткие сроки в Кыргызстане будет создана правовая база для принципиально иной модели уголовной политики саму «пирамиду» уголовной политики вряд ли удастся быстро повернуть так, чтобы в ее основании в реальности оказалась профилактика преступлений, а на вершине уголовный закон.

Уголовно-правовая политика будет еще длительное время занимать доминирующее положение в содержании уголовной политики.

Однако совершенно очевидно, что цели уголовно-правовой политики должны быть трансформированы так чтобы:

- во-первых, максимально сузить круг деяний, которые сегодня признаются преступлениями, хотя и утратили общественную опасность или должны ее утратить в связи с планируемыми демократическими преобразованиями (проблема декриминализации);

- во-вторых, расширить круг преступлений за счет общественно опасных деяний, совершаемых чиновниками (максимально конкретизировав формы общественно опасного коррупционного поведения и иных должностных злоупотреблений) (проблема криминализации);

- в-третьих, понизить уровень репрессивности уголовно-правовых мер, применяемых к лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести (проблема депенализации);

- в-четвертых, усилить наказуемость тяжких и особо тяжких преступлений (прежде всего совершаемых в составе организованных групп и сопряженных с коррупцией) (проблема пенализации);

- в-пятых, ограничить пределы судебного усмотрения при назначении наказаний за преступления во всех случаях, когда это возможно (прежде всего, за счет официального толкования так называемых оценочных признаков преступлений).

В этой связи резко возрастает заинтересованность государства в стимулировании научных исследований, которые бы позволили бы получить разностороннюю и точную информацию, необходимую для принятия правильных решений на различных уровнях руководства системой борьбы с преступностью.

Развитие научных основ уголовной политики даст толчок для внедрения, будет способствовать правильному определению и четкому разграничению функций различных правоохранительных органов в рассматриваемой сфере [87, с.7].

Концептуальный уровень уголовной политики включает разработку теоретических основ уголовной политики [88]. Нужно отметить, что в настоящее время в Кыргызстане отсутствует нормативно закреплённая или хотя бы официально одобренная государством концепция уголовной политики. Отдельные положения, относящиеся к уголовной политике, содержатся в законах, направленных на борьбу с преступностью, в других нормативных актах, а также в установках руководителей Кыргызстана. Отдельные элементы концепции уголовной политики отражены в концепциях национальной безопасности, борьбы с незаконным оборотом наркотиков и некоторых иных документах [89]. Например, применительно к уголовно-правовой политике, принятию уголовного закона должно предшествовать изучение его социальной эффективности, которое базируется на научно-обоснованном прогнозе этой эффективности. Уголовно-правовой запрет должен быть социально обусловлен, а криминализируемое деяние действительно должно обладать общественной опасностью. Однако для решения этих проблем мало иметь доктринальные оценки. Необходимо создать механизм, обязывающий органы

государственной власти, принимающие решения уголовно-правового значения, считаться с экспертными оценками.

Законодательный уровень уголовной политики выражен в разработке, принятии и совершенствовании правовых основ, направленных на реализацию целей и задач уголовной политики. Таким образом, уголовная политика выступает в качестве правоформирующего фактора [90, с.49]. Например, криминализация или декриминализация тех или иных общественно-опасных деяний как основные формы уголовно-правовой политики отражает ее законодательный уровень. Отнесение деяний к числу преступных, установление различных форм уголовной ответственности есть неразрывно связанные между собой способы выражения уголовной политики посредством уголовного закона.

Формирование с учетом положений Конституции Кыргызской Республики законов и основных положений государственной концепции уголовной политики программных документов различных уровней управления происходит на нормативно-программном уровне. К таким документам, на наш взгляд, следует отнести программы борьбы с преступностью и отдельными ее видами [91]¹.

Управление реализацией уголовной политики включает в себя организацию правоприменительной практики в сфере борьбы с преступностью в целом и по отдельным ее направлениям, меры, направленные на повышение эффективности средств, форм и методов противодействия преступности.

¹ См., например: Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией, контрабандой и экономическими преступлениями в Кыргызской Республике на 2001 - 2003 годы, утвержденная Постановлением Правительства КР от 3 марта 2001 года № 81 // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

Непосредственная правоприменительная деятельность должностных лиц правоохранительных органов в сфере реализации задач уголовной политики представляет собой ее правоприменительный уровень. Этот уровень уголовной политики также непосредственно связан с уголовным законом. В области квалификации преступлений уголовная политика основывается на единых подходах, принципах законности, целесообразности и дифференциации. Свое формальное выражение она получает в виде соответствующего толкования со стороны компетентных органов государства. Важное значение имеет уголовная политика использования наказаний в борьбе с преступностью. Здесь она также не противопоставляется принципу индивидуализации ответственности и не должна приводить к трафаретному подходу в разрешении уголовных дел. Вместе с тем она обеспечивает определенную линию, общую направленность в борьбе с преступностью на основе и в рамках действующего законодательства.

Следует отметить, что содержание уголовной политики обусловлено объективными и субъективными факторами. Уголовный закон, равно как и другие соответствующие нормативные акты в сфере противодействия преступности, правоприменительная практика относятся к объективным категориям. Вместе с тем, очевиден и субъективный характер принятия уголовно-политического решения. В случаях, когда субъективизм в уголовной политике принимает характер тенденции, велика опасность возникновения волюнтаризма, чреватого различными крайними походами в уголовной политике: от войны с преступностью до чрезмерного либерализма. Поскольку уголовно-политические решения принимаются человеком, нередко находящимся под властью эмоций, испытывающим давление мнения ригористично настроенного общества, полностью

исключить вероятность ошибок в уголовной политике невозможно. Поэтому содержание уголовной политики всегда обусловлено и субъективными, и объективными факторами.

Содержание уголовной политики отражают ее принципы, имеющие выраженный нормативный характер. Эти принципы закреплены в Конституции Кыргызской Республики, законодательных актах, регулирующих сферу борьбы с преступностью, либо вытекают из них и являются обязательными для всех субъектов уголовной политики. Поскольку принципы уголовной политики имеют общеобязательный характер эталона, то с ними должны соотноситься все решения, разрабатываемые на теоретико-концептуальном уровнях. Соответствие системе принципов уголовной политики, их направленности на реализацию стратегических и тактических задач борьбы с преступностью на всех уровнях - на общегосударственном, региональном, местном – необходимое условие принятия решений должностными лицами, субъектами уголовной политики. Только в этом случае соответствующее решение может рассматриваться как правомерное, целесообразное, обоснованное в социальном и правовом отношении. И наоборот, отступление от принципов, их нарушение влекут «по определению» признание решения, от кого бы оно ни исходило, ничтожным. Поэтому принципами уголовной политики необходимо руководствоваться разработчикам уголовной политики, законодателям, правоприменителям, а также гражданам. Таким образом, принципы уголовной политики - это такие идеи, на основе которых должны разрабатываться законы, подзаконные акты и осуществляться деятельность государственных органов и должностных лиц в сфере борьбы с преступностью [92, с.17].

К числу принципов уголовной политики можно отнести: законность; справедливость; комплексность; соответствие задач, полномочий и ресурсов; опережающий характер стратегических решений; экономия уголовной репрессии. Содержание перечисленных принципов достаточно глубоко исследовано рядом советских и российских криминологов, поэтому останавливаться на их характеристике не представляется целесообразным [87, 93, 94, 95].

Совокупность названных выше принципов, как показывает анализ, образует систему. Не будучи связанными иерархической зависимостью, эти принципы, тем не менее, являются взаимодействующими звеньями, образуют определенную целостность, подкрепляют и дополняют друг друга. Среди принципов уголовной политики трудно выделить основные и факультативные. Все вместе они составляют фундамент уголовной политики, обеспечивают единство, стабильность, целенаправленность, конституционность ее предписаний и формируют практику ее реализации [96, с.21].

В содержание уголовной политики кроме отмеченных выше принципов входят правовое, организационно-ресурсное и информационное обеспечение, а также цели, методы и задачи стратегии противодействия преступности.

Под правовым обеспечением уголовной политики обычно понимается существующая система законодательных и иных нормативных правовых актов, используемых ее субъектами в пределах их компетенции для выполнения возложенных на них задач по ее реализации [97, с.25]. Уголовная политика, во-первых, инициирует разработку правовых основ борьбы с преступностью, определяет наиболее важные направления законотворческой и нормативной работы, во-вторых, осуществляется в

рамках правовой деятельности государства так называемом правовом поле, а значит, действует только на основе и во исполнение правовых установок государства, обеспечивающих борьбу с преступностью. Выход вне правового поля чреват известными в истории уголовными репрессиями и массовыми. Наше исследование показало, что могут быть выделены *три группы законодательных и иных нормативных правовых актов Кыргызстана*, посредством которых формируется и реализуется его уголовной политики: базовые, основные и обеспечивающие.

Конституция Кыргызской Республики, конституционные и иные законы, устанавливающие задачи, компетенцию, структуру различных органов власти – субъектов уголовной политики – относятся к *базовым* нормативным правовым актам. К их числу относятся законы: «О Правительстве Кыргызской Республики» (2003), «О Верховном суде и местных судах» (2003), «О Конституционной палате при Верховном суде Кыргызской Республики» (2011), «О чрезвычайном положении» (1998), «О национальной безопасности» (2003 г.), «Об органах внутренних дел» (1994), «О прокуратуре Кыргызской Республики» (1993); «Об органах национальной безопасности в Кыргызской Республике» (1994).

К числу подзаконных нормативных правовых актов, имеющих уголовно-политическое значение политики, относятся указы Президента КР, постановления Правительства КР, утверждающие доктрины, программы и положения концептуального характера. В частности, к ним, на наш взгляд, относятся «Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики», утвержденная Указом Президента КР от 13 июля 2003 года УП № 221; Указ Президента КР от 10 сентября 2001 года УП № 268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов» и др.

В Конституции Кыргызской Республики закреплены социальные, политические и экономические ценности, которые составляют и формируют правовое государство, гражданское общество в Кыргызстане, определяют содержание и структуру государственной власти, соотношение и полномочия ее различных ветвей и уровней и, что не менее важно, правовой статус человека и гражданина, его права и свободы. Таким образом, можно констатировать, что в большинстве конституционных норм, являющихся фундаментом формирования внутренней политики государства, закреплены важнейшие положения, определяющие уголовную политику. В последующем эти положения реализуются в различных законах, включая УК, УПК и УИК КР, нормативных правовых актах, создавая правовой механизм защиты интересов и личности, общества и государства. Эта конституционная реальность, которая должна определять все уровни уголовной политики (от концептуального до уровня практической реализации). Все остальные правовые установления могут рассматриваться как подчиненные хотя и не менее значимые.

Согласно Конституции формирование политики в Кыргызстане осуществляется Президентом и высшими органами государственной власти.

Вторую группу составляют специализированные законодательные и иные нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с преступностью или отдельными ее видами. Основу данной группы составляют УК, УПК и УИК КР.

К данной группе, на наш взгляд, следует также отнести, отдельные законы, направленные на борьбу с преступностью и отдельными ее видами, указы Президента, постановления Правительства КР по отдельным направлениям реализации уголовной политики. Среди таких источников следует назвать нормативные правовые акты КР, на содержание которые

оказали существенное влияние аналогичные модельные законы и законопроекты, принятые Межпарламентской Ассамблеей СНГ, законы и законопроекты Российской Федерации: «Об оперативно-розыскной деятельности» (1998); «О порядке и условиях содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению и обвинению в совершении преступлений» (2002); «Об исполнительном производстве и статусе судебных исполнителей» (2002); «О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах» (1998); «О борьбе с терроризмом» (1999); «Об органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы (2003) и др. Особенностью этой группы законодательных актов является их непосредственная направленность на борьбу с преступностью и ее отдельными видами. Это позволяет утверждать, что они оказывают влияние, прежде всего, на реализацию уголовной политики государства и в этом качестве выступают основными (специализированными) источниками.

К третьей группе соответствующих нормативных правовых актов, могут быть отнесены: Кодекс КР «Об административной ответственности» (1998); Таможенный кодекс КР (2004); Налоговый кодекс (1996); законы: «О пожарной безопасности» (1996); «Об оружии» (1999); «О частной детективной и охранной деятельности в КР» (1996). В эту группу входят также указы Президента, постановления Правительства КР, нормативные правовые акты министерств и ведомств, способствующие осуществлению деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, например, Указ Президента КР от 10 сентября 2001 г. № УП-268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов» и некоторые другие.

В структуре правового обеспечения уголовной политики могут быть также выделены основанные на источниках всех трех указанных выше

групп нормативные правовые акты правоохранительных органов, выступающих в качестве субъектов уголовной политики (приказы, распоряжения и указания, часть которых приводилась ранее, поскольку они определяют правовые и управленческие аспекты реализации уголовной политики в определенное время, в определенном месте и в определенной ситуации. Правовое обеспечение включает в себя также и совокупность локальных правовых актов, издаваемых и реализуемых правоохранительными органами в пределах их компетенции, чаще всего как реакция на ситуацию (стихийное бедствие и меры по борьбе с преступностью в этих временных и территориальных условиях; повышенный уровень коррумпированности должностных лиц и меры противодействия этому явлению).

Особое место в правовом обеспечении уголовной политики занимают постановления Конституционного Суда КР (до мая 2010 г.) о соответствии положениям Конституции тех или иных норм УК, УПК, УИК КР, других законов и нормативных актов; а также разъяснения Верховного Суда КР по уголовным делам.

В связи с отнесением общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Кыргызской Республики к правовой системе Кыргызстана (ч.3 ст.12 Конституции) в числе специфических источников правового обеспечения уголовной политики государства следует выделить и многочисленные международно-правовые документы: нератифицированные договоры и конвенции, парафированные межправительственные соглашения, резолюции стандарты, имеющие рекомендательный характер и посвященные вопросам международного сотрудничества в борьбе с преступностью¹.

¹ Ратифицированные конвенции и договоры, подписанные межправительственные соглашения в сфере борьбы с преступностью

Само понятие «политика» предполагает управление этими процессами. Организационное обеспечение уголовной политики направлено на создание оптимальных условий разработки и реализации уголовной политики, в конечном счете - на выработку эффективной стратегии и совершенствование системы, обеспечивающей противодействие преступности.

В рамках организационного обеспечения уголовной политики существует также система многоуровневой координации деятельности правоохранительных органов по разработке и реализации задач уголовной политики. В этой связи, необходимой является постоянная координация мер по реализации политики борьбы с преступностью в общегосударственном масштабе со стороны не только касающаяся правоохранительных органов, но и иных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и движений, религиозных конфессий и т.д. В Кыргызстане функция координации мер реализации уголовной политики фактически возложена на прокуратуру КР. Так, в целях координации деятельности правоохранительных органов республики прокуроры созывают координационные совещания с участием руководителей министерств, административных ведомств, иных органов исполнительной власти по вопросам соблюдения законности, организуют рабочие группы, истребуют статистическую и другую необходимую информацию, осуществляют иные полномочия в деле укрепления законности и правопорядка [100].

В настоящее время состояние координации и взаимодействия субъектов реализации уголовной политики в КР далеко от совершенства, что подтверждается практикой правоохранительной деятельности. Очевидные провалы в противодействии преступности в течение последних десяти лет, по

относятся к группе основных правовых средств, посредством которых формируется и реализуется уголовная политика.

нашему мнению, отчасти обусловлено крайне низким уровне координации действий правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

Организационное обеспечение имеет сложную структуру и включает ресурсный, информационный и иные аспекты. Без этих составляющих сложно представить эффективную работу любого правоохранительного органа, в том числе субъектов, разрабатывающих и реализующих уголовную политику. Здесь необходимо определение соотношения различных видов обеспечения и, прежде всего ресурсного, исходя из обстоятельств и потребностей, как прямо относящихся, так и иных, непосредственно не относящихся к уголовной политике государства. Недостаточное ресурсное обеспечение субъектов уголовной политики самым непосредственным образом сказывается на неэффективности проводимой политики. По всей видимости, нет ни одного субъекта уголовной политики обеспеченного достаточными финансами. Дефицитное финансирование имеет место в системе органов внутренних дел. Благодаря поддержке Всемирного банка лучше обеспечена лишь судебная система. Имеющиеся проблемы требуют еще больших усилий и выделения адекватных ресурсов для создания действительно независимой судебной системы как в финансовом, так и политическом отношениях [101].

Как показало выполненное нами исследование, одной из причин низкой эффективности уголовной политики Кыргызской Республики является ее недостаточное информационное обеспечение. Нетрудно догадаться, что уголовная политика, основанная на нерепрезентативных данных о состоянии преступности, обречена на провал. Значение надлежащего информационного обеспечения трудно переоценить, т.к. без достоверной информации невозможно эффективно управлять процессами в системе уголовной юстиции. Мы присоединяемся к утверждению С.С.

Босхолова о том, что «в качестве главной и основной цели информационного обеспечения уголовной политики можно выделить предоставление объективной информации о состоянии безопасности социальных ценностей, находящихся под охраной уголовного закона, эффективности предупреждения, профилактики преступлений и применения уголовного законодательства, создание условий для оптимального управления этой деятельностью» [62, с.179].

Уголовная политика и принимаемые на ее основе стратегические решения призваны обеспечить максимально возможное ограничение преступности, сведение ее к уровню, когда она перестанет быть угрозой общественной и национальной безопасности. Главной целью осуществления уголовной политики государства является минимизация преступности и порождающих ее причин и условий. Однако уголовный закон при этом не может быть ни единственным, ни главным фактором решения сложной социальной проблемы, каковой является преступность.

К сожалению, до сих пор большинство отечественных правоприменителей и политиков полагает, что преступность можно и нужно «искоренить», а на уголовный закон возлагаются чрезмерно большие надежды о возможности эффективно предупреждать преступления. Эти подходы, оставшиеся еще с советских времен, чрезвычайно живучи в правосознании субъектов уголовной политики. Поэтому в нормативных правовых актах о противодействии преступности до сих пор используются термины типа «борьба с преступностью», в то время как ряд криминологов убедительно доказали несостоятельность этого термина. Характеризуя дефекты парадигмы «борьба с преступностью», проф. С.С. Босхолов пишет: «Целевая установка на «борьбу» с преступностью представляется негативной еще и потому, что она изначально не требует объективного, а тем более

критического, анализа криминологической обстановки и результатов деятельности органов уголовной юстиции. Она содержит в себе потенциальную опасность возврата на уже пройденный нашим обществом путь раскручивания маховика уголовной репрессии» [62, с.40].

Проф. Д.А. Шестаков справедливо отмечает: «от этого термина веет безнадежностью, ибо борьба связана со стремлением к победе, т.е. к уничтожению преступности, к «полной ее ликвидации», что является заведомо невыполнимым» [102, с.144]. С учетом кризиса правоохранительной системы, связанного, в первую очередь, с оттоком квалифицированных кадров, слабым материально-техническим обеспечением, органам уголовной юстиции в лучшем случае под силу задача противодействия преступности и ее минимизации.

Задача минимизации преступности должна решаться на основе роста правосознания, материальной обеспеченности общества и решении других социально-экономических проблем. Поэтому основным направлением уголовной политики является воздействие на причины и условия преступности, т.е. ее предупреждение, а ее целями - достижение стабилизации и ограничения уровня преступности, создания предпосылок позитивных тенденций преступности.

Выводы:

1. Продолжающаяся более двух столетий разработка понятия уголовной политики не позволяет говорить о том, что соответствующий термин окончательно сформировался. Понятие «уголовная политика» остается многозначным и не имеющим нормативно закрепленного определения в законодательстве Кыргызстана.

2. Под уголовной политикой (применительно к целям настоящего исследования) мы понимаем деятельность государства и уполномоченных

законом институтов гражданского общества, направленную на предупреждение, контроль и наказание за преступления, возмещение вреда причиненного преступлениями с целью снижения общественной опасности и распространенности преступлений, замедления темпов прироста преступности, уменьшения и максимального полного возмещения вреда, причиненного преступлениями.

3. Содержание уголовной политики неоднородно. Сложная структура уголовной политики, как показывает анализ практики формирования и реализации уголовной политики в КР включает следующие элементы: 1) *отраслевой состав* (уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-исполнительная политика, оперативно-розыскная политика, политика предупреждения преступности); 2) ее *объектный состав* (воздействие на преступность в целом, отдельные ее виды и разновидности, причины и условия преступности, последствия преступности); 3) ее *субъектный состав* (органы государственной власти, уполномоченные на формирование уголовной политики; органы государственной власти, уполномоченные на реализацию уголовно-политических мер; органы государственной власти, контролирующие формирование и реализацию уголовной политики); 3) *мера конкретизации* уголовно-политического воздействия (стратегическая и тактическая уголовная политика); 5) *срочность* (постоянная, не ограниченная конкретным срок или событием уголовная политика; меры ограниченные конкретным сроком); 6) *приоритетность* формирования и реализации мер уголовной политики (первоочередные меры; последующие меры; меры, принимаемые и реализуемые при благоприятных условиях); 7) *гуманитарное содержание* мер уголовной политики (репрессивные; контрольные; профилактические)

4. Ключевыми направлениями уголовно-политической реформы в

краткосрочной перспективе должны стать: 1) расширение круга органов государственной власти и местного самоуправления, имеющих функцию предупреждения преступлений в качестве основной или одной из основных своих внешних функций; 2) развитие негосударственного сектора субъектов профилактики преступлений и контроля за деятельностью правоохранительных органов.

Глава 3. Комплексное прогнозирование и перспективные направления уголовной политики

§ 1. Прогнозирование и вопросы правотворчества в сфере противодействия преступности

Поскольку содержание прогноза преступности зависит в первую очередь от того, какие деяния подпадают под действие уголовного закона и вследствие этого учитываются как преступления, наиболее интенсивное непосредственное влияние на характер прогностических выводов оказывают нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения. Изменения и дополнения в уголовное законодательство, с точки зрения прогноза, должны отвечать требованиям дифференцированной и более гуманной уголовной политики.

Очевидно, что определенное влияние на состояние и тенденции развития преступности и связанных с ней явлений, наряду с другими общими и специфическими факторами, оказывает нормативно – правовой фактор, т.е. состояние правового регулирования общественных отношений, связанных как непосредственно с совершаемыми преступлениями, так и с их причинами и условиями, а также с государственно – правовым реагированием на преступность.

Соответственно можно выделить три группы правовых норм, подлежащих учету при прогнозировании преступности и планировании мер по борьбе с ней: 1) определяющие круг преступных и наказуемых деяний; 2) регулирующие направления и порядок деятельности по борьбе с преступностью; 3) регулирующие правомерное поведение граждан, деятельность государственных органов и общественных организаций.

Влияние этих норм неоднозначно: одни оказывают непосредственное влияние на преступность, другие воздействуют на нее через опосредующие звенья, а третьи – преимущественно влияют на статистическую картину преступности. Конечно, говоря так, мы понимаем, что законодатель «не придумывает» преступления, а только дает соответствующее нормативное описание существующих общественных отношений, точно так же, как и декриминализируя деяния, он не устраняет предусмотренные законом деяния, а либо фиксирует уже произошедшее их исчезновение, либо производит переоценку общественной опасности деяний в сторону ее снижения [103, с.43].

Поскольку содержание прогноза преступности зависит в первую очередь от того, какие деяния подпадают под действие уголовного закона и вследствие этого учитываются как преступления, наиболее интенсивное непосредственное влияние на характер прогностических выводов оказывают нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения.

Определяя круг запрещенных и наказуемых деяний, уголовный закон действует как своего рода социальной ориентир в поступках граждан. При этом речь идет не только об устрашающем воздействии содержащейся в законе угрозы наказания, но и об информационно – ориентирующем значении само по себе факта выраженной в уголовно-правовом запрете отрицательной оценки государством того или иного поступка.

Следует отметить, что влияние правовых норм на поведение людей сказывается в социально значимых масштабах, как правило, по происшествии определенного времени с момента принятия нормативного акта. Так, регулятивные нормы, устанавливающие новые правила правомерного поведения, воплощаются в фактические общественные

отношения лишь по истечении времени, необходимого для психологического привыкания граждан к этим правилам, для выработки оптимальной процедуры совершения предусматриваемых законом действий, установления определенной правоприменительной практики.

Что же касается механизма и временных рамок регулятивного воздействия уголовного закона на поведение людей, то они обладают рядом особенностей.

Нормы, устанавливающие или значительно усиливающие ответственность за преступления, начинают воздействовать на поведение неустойчивых в правовом отношении граждан с момента их принятия. Однако, поскольку это воздействие основано главным образом на устрашающем эффекте права, его результаты весьма нестойки, и если первоначальный страх перед наказанием не будет подкреплён соответствующей правоприменительной практикой, дальнейшего снижения запрещенного поведения не произойдет, а начнется возврат к прежнему положению.

Таким образом, учитывая новые уголовно – правовые запреты при прогнозировании преступности, следует исходить из того, что в первоначальный период они могут вызывать некоторое снижение реальной преступности, сопровождающееся, однако, определенным первоначальным ростом показателей в статистике. К таким последствиям (только менее отчетливо выраженным) может приводить увеличение размеров санкций уголовно – правовых норм без изменения содержания самих запретов.

Несколько иные последствия вызывает изменение диспозиций уголовно – правовых норм, связанное с выведением за рамки состава преступления тех или иных обязательных признаков с целью расширения пределов действия нормы. Поскольку такое решение предлагается, как правило, в связи с

тенденцией роста числа преступлений определенного вида, не следует надеяться на то, что новые нормы окажутся эффективнее, нежели ранее действовавшие, и сами по себе смогут переломить эту тенденцию. Они смогут привести к увеличению числа факторов, учитываемых в уголовной статистике и влекущих применение уголовно – правовых мер, но никак не увеличат и не уменьшат число фактически совершаемых общественно опасных деяний.

При анализе влияния, оказываемого уголовным законодательством на тенденции преступности, следует обратить внимание еще на ряд положений, связанных со «склонностью» преступности к самовоспроизводству.

Во – первых, включение в закон новых норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие большой общественной опасности, но относительно распространенные в обществе, может привести к росту рецидивной преступности (особенно если за их совершение наступает наказание в виде лишения свободы).

Во – вторых, с расширением уголовной ответственности за преступления, не представляющие большой общественной опасности, сопряжено измельчание «образа преступника» в глазах населения. Грань, существующая между тем, что запрещено, допустимо и разрешено, стирается. Осознание того, что многое, запрещенное законом, фактически разрешается в жизни и не встречает осуждения со стороны граждан и правоохранительных органов, приводит к снижению порога мотивации и при совершении других, более опасных преступлений. Поэтому можно ожидать, что через определенный (возможно, значительный) период времени на общем фоне роста малозначительных преступлений возможен рост и более тяжких преступлений.

В – третьих, стремление повлиять на преступность с помощью уголовно – правовых мер приводит к более активному использованию и законодателем, и практикой так называемых норм с двойной превенцией, назначение которых состоит (в соответствии с принятой концепцией) в том, чтобы, обеспечивая неотвратимость наказания за менее опасные преступления, предупреждать более тяжкие. Представляется, однако, что действие таких норм отнюдь не столь однозначно, поскольку одни из них воздействуют главным образом на причины и условия, способствующие совершению преступлений, другие же – преимущественно на самого неустойчивого субъекта. Поэтому если первые способны оказывать вполне устойчивое позитивное влияние на преступность, то вторые, как правило, отличаются высоким уровнем латентности, таким изменением процессуального порядка законодатель стимулировал усилия правоохранительных органов по применению уголовно – правовых мер в этой сфере. Соответственно при прогнозировании возможных изменений в характеристике преступности и состоянии мер борьбы с ней следует иметь в виду возможность увеличения статистических показателей преступности благодаря упрощению реагирования на нее.

Упрощение процедуры расследования преступлений практически всегда сопряжено и со значительным изменением структуры применяемых к виновным мер воздействия: среди них заметно возрастает доля мер, не связанных с уголовным наказанием, и доля наказаний, не связанных с лишением свободы. Это объясняется, в частности, тем, что, как правило, упрощение досудебной подготовки дел не сопровождается упрощением процедуры судебного разбирательства (более того, упрощение досудебной подготовки дела фактически усложняет задачи суда). В связи с этим и с учетом меньшей полноты доказательственного материала (в том числе

относительно обстоятельств, индивидуализирующих ответственность) для суда оказывается предпочтительным вынесение более мягкого приговора или прекращение дела по не реабилитирующим основаниям, нежели осуждение подсудимого к наказанию, связанному с лишением свободы (конечно, если неполнота доказательственного материала ставит суд перед необходимостью вынесения оправдательного приговора).

Определенное влияние на преступность и ее статистическую картину оказывают и изменения в содержании норм, регламентирующих организацию функционирования правоохранительных органов (например, нормы, устанавливающие штатную численность различных служб и подразделений, отчетные показатели и оценочные критерии их работы, уровень индивидуальной нагрузки работников).

При этом изменения, затрагивающие организационно – штатное расписание служб, осуществляющих преимущественно профилактические функции (отделы общего надзора прокуратуры, службы охраны общественного порядка, участковых инспекторов, паспортная служба и др.), в зависимости от характера этих изменений приводят к корректировке прежде всего фактической картины преступности по соответствующим направлениям, тогда как изменения в штатной численности служб, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, влияют прежде всего на корректировку статистических данных о преступности. И хотя конкретное содержание этих изменений невозможно определить простым умножением средней нагрузки одного оперуполномоченного или следователя на число работников соответствующего профиля, их тенденцию можно прогнозировать с весьма высокой степенью вероятности. Разумеется при этом нельзя упускать из виду, что фактическая и статистическая картины преступности жестко корректируют между собой.

Существенное влияние на прогнозное описание процессов происходящих в преступности и в деятельности по борьбе с ней оказывает содержание нормативных (отчетных) критериев и показателей оценки деятельности правоохранительных органов. Как справедливо отмечается в литературе, оценка работы органов внутренних дел по числу совершенных (а точнее, зарегистрированных) преступлений приводит к тому, что соответствующие отчетные показатели формируются не с учетом реальных изменений в преступности, а на основе показателей прошлого отчетного периода, чтобы не были допущены существенные колебания ни в ту, ни в другую сторону.

Таким же образом влияет на изменения статистической картины преступности выступающая в качестве критерия оценки деятельности ведущих служб органов внутренних дел раскрываемость преступлений. Ориентируясь на него, некоторые руководители начинают «подправлять» отчетные показатели, внося тем самым изменения в фактически имеющие место данные о состоянии и структуре преступности.

С учетом приведенных соображений нетрудно предположить, что совершенствование нормативных показателей оценки деятельности органов внутренних дел может привести (особенно на первых порах) к изменению в данных о преступности – увеличению числа зарегистрированных преступлений. Возможный рост в первый год (не связанный с ростом фактической преступности) в дальнейшем будет сдерживаться, так как приблизится к реальному состоянию дел.

Достаточно полный и точный учет преступлений возможен, на наш взгляд, не благодаря выделению специальной относительно независимой службы или органа, ответственного за эту работу, а на основе четкого разграничения правовых и организационных последствий постановки

преступления на учет. Иначе говоря, картина преступности может приблизиться к реальной лишь в том случае, если регистрация преступлений не будет в обязательном порядке связываться с возбуждением уголовного дела и привлечением конкретного лица к уголовной ответственности, если уже при накоплении информации будут четко разграничиваться и фиксироваться в определенных пределах организационно-управленческие и правоприменительные задачи.

И конечно же, улучшение регистрационной дисциплины способно будет оказать положительное влияние на обеспечение неотвратимости ответственности, а через нее – на состояние преступности.

Наиболее сложный характер имеют зависимости между состоянием борьбы с преступностью и содержанием отраслей права и преимущественно регулятивной направленности. Нормы и предписания гражданского, трудового, финансового права устанавливают пределы и формы правомерного поведения либо определяют (в том числе посредством уголовно-правовых норм с бланкетной диспозицией) круг нарушений, влекущих правовую ответственность, что не может не сказаться на трактовке понятия преступного поведения.

При прогнозе тенденций преступности надо учитывать и последствия, которые могут возникать в случае расширения или сужения сферы бланкетности в уголовно-правовых нормах. Чем шире круг норм, используемых при применении бланкетных диспозиций, чем меньше число запрещаемых ими деяний, тем менее точным может быть прогноз о возможных изменениях преступности тем в большей степени его обоснованность будет здесь зависеть от ориентированности правоприменительной практики.

Происходящий сейчас процесс перехода в концепции правового регулирования от принципа «можно все, что разрешено законом» предполагает и распространение последнего на действие норм с бланкетной диспозицией в уголовном праве. Это создаст в перспективе большую устойчивость правового положения личности, ограничит сферу уголовной репрессии, а следовательно, приведет и к снижению уровня преступности. Правда, при этом необходимо помнить, что действие норм, содержащих разрешения общего характером, в значительной степени может сдерживаться отсутствием механизма осуществления предоставляемых прав (как это было, например, с реализацией конституционных норм о правах граждан на возмещение вреда и на обжалование в суд действий должностных лиц), в связи с чем влияние этих норм на преступность (особенно в первые годы после их принятия) может оказаться весьма незначительным.

Наконец, говоря об учете в прогнозировании правового фактора, следует остановиться на рассмотрении норм гражданского, трудового, административного права, норм общественных организаций, устанавливающих ответственность за те или иные социально вредные деяния.

Интенсификация использования указанных норм может привести к уменьшению числа преступлений, поскольку демонстрация реальной неотвратимости ответственности на примере данных отраслей права может поколебать надежду того или иного неустойчивого лица уйти от ответственности.

Использование охранительных норм неуголовно-правового характера может определенным образом повлиять и на практику применения уголовно-правовых мер воздействия, поскольку в ряде случаев они могут применяться взамен уголовно-правовых норм при совершении преступлений либо

выступать в качестве альтернативы уголовно-правовым нормам, устанавливающим ответственность за аналогичные или пограничные (хулиганство, мелкое хулиганство) деяния, а иногда (например, при наличии административной преюдиции) приводит к накоплению фактов правонарушающего поведения, могущих перерасти в преступления.

Влияние нормативно-правового фактора на преступность и на характер борьбы с ней не является абсолютным. Только в случае, когда правовая норма основывается на соответствующих экономических, социальных, социально-психологических, организационных предпосылках, она может оказать существенное влияние не только на статистическую картину преступности, но и на фактическое ее состояние [103, с.45].

Суть реформирования уголовного законодательства и предлагаемых новелл, как считает большинство ученых, сводится к следующему:

- попытке заполнить пробелы в уголовно-правовой охране соответствующих благ, интересов и сформировавшихся на их основе общественных отношений (как действительных, так и прогнозных);

- преувеличению надежд на уголовный закон как на средство эффективного разрешения социально важных проблем без учета регулятивных и охранительных возможностей других отраслей права, организационно-управленческих возможностей органов уголовной юстиции и уголовной политики;

- ужесточению санкций многих уголовно-правовых норм и возложению надежд на репрессивные виды наказания [104, 105, 106, 107, 108].

При уголовно-политическом прогнозировании, как, впрочем, и пенитенциарном, а также уголовно-правовом и криминологическом

прогнозировании важно учитывать различное, рациональное соотношение репрессии и превенции.

При всем оправданном стремлении к гуманизации уголовной политики никто не собирается отказываться от репрессивных форм и методов воздействия на преступность и преступное поведение. Репрессия - веками испытанное средство борьбы с преступностью. Она с далеких времен и по сегодняшний день не только отождествляется с понятием устрашение, но и ставит задачу исправления лиц, нарушивших уголовный закон.

Однако надо подчеркнуть, что существующая система наказаний и уголовно-исполнительных учреждений сегодня мало способствует, если вообще не способствует, целям наказания, в частности, перевоспитанию преступников, что, так или иначе, вытекает из содержания уголовного и уголовно-исполнительного кодексов. Исследования показывают, что в условиях переполнения мест лишения свободы ухудшаются результаты ресоциализации осужденных, обеспечения их работой, элементарными бытовыми условиями и удобствами, соблюдения прав человека. Соответственно увеличиваются рецидив и число преступлений в местах лишения свободы, массовые беспорядки, сопряженные с захватом заложников из числа персонала уголовно-исполнительных учреждений. В.В. Лунеев в этой связи с сожалением пишет, что ИТК, тюрьмы и следственные изоляторы превратились в настоящие университеты преступности.

Оптимизировать рост заключенных можно лишь последовательно просчитанной, спрогнозированной, рациональной уголовной и пенитенциарной политикой, путем применения и расширения альтернативных лишению свободы видов уголовного наказания в

отношении лиц, совершивших преступления с невысокой степенью общественной опасности.

Несмотря на указанное положение дел в системе наказаний и их исполнения, справедливости ради надо отметить, что доживают свой век смертная казнь, формальное назначение наказания судами по принципу "золотой середины" в альтернативных санкциях, меняется общий взгляд законодателя и ученых на цели и задачи репрессии, на реализацию принципа справедливости в ходе применения институтов освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Наказание по действующему уголовному закону есть мера государственного принуждения, которая применяется в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений. В свою очередь, Уголовно-исполнительное законодательство имеет своими целями исправление осужденных и предупреждение новых преступлений как осужденными, так и иными лицами. Поэтому совершенно справедливо и объективно то, что государство и законодатель сегодня относятся с недоверием к институту лишения свободы как средству борьбы с преступностью, и поэтому систематически, по мере возможности выводят за рамки лишения свободы одну категорию субъектов за другой. Проведенный анализ количественно-качественных характеристик уголовно-правовых санкций, их динамики и соотношения позволяет нам констатировать этот тезис.

Эффективность уголовного законодательства напрямую зависит от того, насколько оно адекватно отражает общественно опасные реалии и их возможные тенденции на обозримое будущее. Логико-правовой метод конструирования уголовных и пенитенциарных законов крайне недостаточен для динамичного и прагматического общества, которое ныне

формируется. В основе их, прежде всего, должен лежать глубокий и всесторонний анализ общественно опасных реалий (криминализованных и некриминализованных, учтенных и латентных), относительно надежный прогноз их возможного развития в обозримом будущем, хорошо просчитанные социальные модели всей совокупности последствий их криминализации или отказа от нее. Только при опоре на эту фактическую и прогнозируемую реальность могут быть успешно реализованы логико-правовые методы уголовно-правового законотворчества. А, как известно, негативные, опасные реалии общественной жизни и процессы происходящие в обществе и государстве отражает уголовная политика.

Центральным направлением разработки и осуществления уголовно-правовой политики является процесс выявления и обоснования социальной обусловленности проектируемых и действующих уголовно-правовых норм, установление в системе законодательства таких статей, которые в современных условиях фактически утратили свое предназначение, практически не применяются и в силу этого не могут выполнять поставленной перед законом задачи. Речь, следовательно, идет о путях формирования системы уголовно-правовых норм, ее оптимизации, т. е. о приведении данной системы в максимальное соответствие с реальными потребностями общества в уголовно-правовом регулировании.

Уголовный закон социально обусловлен. Закон создается не «на всякий случай», не «про запас», он продуцируется реальными потребностями общества в уголовном запрете и более или менее адекватно отражает их в уголовно-правовой норме. Можно все же предположить, что в силу сложности законотворческой деятельности среди принимаемых новелл некоторые недостаточно полно отражают нужды общества в уголовно-правовом регулировании. Дефекты норм могут заключаться и в отсутствии

необходимой четкости, устойчивости и определенности правовых предписаний. Отсюда их низкая эффективность даже в условиях безукоризненной работы правоприменительных органов. То, что это действительно так, косвенно подтверждается определенной нестабильностью современного уголовного законодательства [15, с.67].

Социологические исследования показывают, что среди всех причин и условий совершения правоприменительными органами ошибок четвертое место по степени субъективной значимости занимает такой фактор, как неясность и противоречивость законодательства [109].

При опосредованном характере законотворчества, его известной самостоятельности и неизбежной неполноте субъективного отражения объективной действительности в принципе не исключена опасность волюнтаристского подхода к процессу принятия уголовно-правовых норм. На эту опасность обращал внимание еще К. Маркс, когда писал, что «само по себе право не только может наказывать за преступления, но и выдумывать их».

В целом УК КР 1997 г. страдает, на наш взгляд, ярко выраженной криминализационной избыточностью. Концептуально это было обусловлено восприятием проектантами нового УК идеи не «маленького и жестокого», а «большого и мягкого» Уголовного кодекса. Однако в еще большей степени дефектность действующего УК проистекает от того, что в процессе его разработки и принятия практически почти полностью была проигнорирована теория криминализации и декриминализации. Без особого риска ошибиться, можно утверждать, что за исключением деяний, относящихся к так называемому «ядру преступного» (убийства, кражи, грабежи, разбой, изнасилования и т.д.), многие новеллы вводились в УК без какого бы то ни было учета всей суммы факторов, обуславливающих допустимость,

возможность и целесообразность установления уголовно-правового запрета. Процесс законотворчества в этой части носил почти исключительно умозрительный характер.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики, принятый 18 сентября 1997 года и введенный в действие с 1 января 1998 года, ознаменовал собой на то время, безусловно, прогрессивный шаг в реформе уголовной политики Кыргызстана. Принятый УК, являясь более криминологически обоснованным, ориентирован на максимальное обеспечение безопасности личности, общества и государства, призван содействовать становлению нового общества, утверждению в нем законности, правопорядка, основополагающих принципов международного права.

Редакция Конституции КР 2007 г. привнесла ряд уголовных новелл. Так, была отменена смертная казнь, введено пожизненное лишение свободы, существенно скорректирована система наказаний со смещением акцентов на применение принципов восстановительного правосудия и примирительной юстиции.

Закон КР от 25 июня 2007 г. № 91, получивший среди юристов название закона «О гуманизации» внес соответствующие поправки в УК, УПК КР и ряд законов КР. Идеальных законов, как известно, не бывает. С момента принятия УК КР в него были не раз внесены изменения и дополнения. С учетом провозглашенного руководством республики курса на всемерное укрепление и обеспечение прав человека, а также гуманизацию уголовной политики, можно прогнозировать достаточно интенсивное продолжение реформы уголовного законодательства в указанных направлениях.

При этом законодатель должен критически оценить эффективность отдельных норм, неадекватным современным реалиям. Разрыв между содержанием подобных запретов и реальными потребностями современного

момента более, чем очевиден. Он может быть преодолен только путем отмены уголовно-правовых норм, переставших соответствовать социальным ожиданиям. Сохранение в уголовном законодательстве таких норм неоправданно и даже вредно, ибо порождает у населения отношение к уголовному закону, как к нереальному. Если верно, что практика – критерий истины, то следует признать и то, что массовое неприменение на практике отдельных уголовно-правовых норм означает их несостоятельность, ненужность, криминализационную избыточность.

В результате мы получили ситуацию, когда без радикальной ломки (и чистки) Особенной части УК исправить положение невозможно. Остается, по-видимому, накапливать какое-то время опыт применения (и неприменения) в судебной практике соответствующих норм с тем, чтобы в будущем, в процессе реформирования нынешнего уголовного законодательства учесть допущенные при его проектировании ошибки и сконструировать новейший УК уже в строгом соответствии с требованиями теории криминализации и пенализации.

Но и без этого ясно, что он (законодатель) в своей нормотворческой деятельности по-прежнему опирается на все что угодно, но только не на теорию криминализации и декриминализации общественно опасных деяний, как ключевой элемент уголовно-правовой политики. Отсюда мы и имеем тот уголовный закон, который имеем.

Уголовно-правовая футурология, ее концепция должна учитывать, объяснять, предвидеть, рекомендовать то, что фактическая борьба с преступностью в жизни перестраивается на новые начала, не выжидая, чтобы они были окончательно установлены в законодательстве, и соответствующей юридической науке. Так, переход к рыночным отношениям, не обеспеченный прогнозными вариантами, начатый без

обоснованной научной концепции, спонтанно, осуществляемый как недостаточно подготовленный эксперимент, привел к резкой активизации криминальной деятельности, проникновению криминалитета во вновь образуемое экономическое пространство с занятием там лидирующего положения, что привело к усилению его влияния на многие общесоциальные явления и отношения.

Выводы:

1. Опережающий прогноз в сфере борьбы с преступностью является непременным условием эффективности мер противодействия. Уголовно-правовой прогноз является гарантом оптимальной стратегии реализации нормативных предписаний. Учет прогнозной информации в правотворчестве должен быть обязательным требованием при разработке и принятии уголовного законодательства. Поэтому предложения по криминализации или декриминализации следует рассматривать как непосредственный результат уголовно-правового или криминологического прогноза.

2. Поскольку содержание прогноза преступности зависит в первую очередь от того, какие деяния подпадают под действие уголовного закона и вследствие этого учитываются как преступления, наиболее интенсивное непосредственное влияние на характер прогностических выводов оказывают нормы уголовного закона, устанавливающие преступность и наказуемость того или иного поведения. Изменения и дополнения в уголовное законодательство, с точки зрения прогноза, должны отвечать требованиям дифференцированной и более гуманной уголовной политики.

3. Прогностическую основу изменений законодательства следует видеть в процессах декриминализации, депенализации и общего смягчения мер уголовно-правового воздействия, прежде всего в отношении преступлений небольшой общественной опасности, при сохранении строгих мер уголовно-

правового воздействия на лиц, виновных в тяжких преступлениях, и лиц, допускающих опасные виды рецидива. Отечественный законодатель этих правил придерживается не всегда, идя по пути установления уголовно-правовых запретов за деяния, не представляющих большой общественной опасности. Так, включение в закон новых норм, устанавливающих ответственность за деяния, не представляющие большой общественной опасности, но относительно распространенные в обществе, часто приводит к росту рецидивной преступности.

Проблемы правоприменительной практики в сфере противодействия преступности должны рассматриваться через реализацию системы основополагающих принципов уголовно-правовой политики: неотвратимости ответственности, гуманизма, справедливости, дифференциации и индивидуализации ответственности.

5. При сохранении в Кыргызстане в обозримой перспективе базового статуса уголовно-правовой политики по отношению к уголовной политике в целом цели первой должны быть трансформированы так чтобы: 1) максимально сузить круг деяний, которые сегодня признаются преступлениями, хотя и утратили общественную опасность или должны ее утратить в связи с планируемыми демократическими преобразованиями; 2) расширить круг преступлений за счет общественно опасных деяний, совершаемых чиновниками (максимально конкретизировав формы общественно опасного коррупционного поведения и иных должностных злоупотреблений); 3) понизить уровень репрессивности уголовно-правовых мер, применяемых к лицам, впервые совершившим преступления небольшой тяжести; 4) усилить наказуемость тяжких и особо тяжких преступлений (прежде всего совершаемых в составе организованных групп и сопряженных с коррупцией); 5) ограничить пределы судебного усмотрения при

назначении наказаний за преступления во всех случаях, когда это возможно (прежде всего, за счет официального толкования так называемых оценочных признаков преступлений).

§ 2. Прогнозирование перспективных направлений уголовной политики

Г.А. Аванесов и А.А. Герцензон справедливо отмечали, что прогнозирование преступности (криминологическое прогнозирование) служит основой для уголовно-политического прогнозирования, выработки уголовной политики, соответствующего законодательства, для всего процесса “управления” преступностью. Речь идет, в первую очередь, о правоохранительной деятельности, совершенствование которой и есть опосредованное воздействие на преступность, а ее осуществление представляет собой прямое воздействие на преступность.

Эффективному противодействию преступности в Кыргызстане, как это было показано ранее, препятствуют различные факторы, часть из которых носит специфический характер. Среди них – отсутствие национальной концепции уголовной политики, адекватной реалиям социальной жизни. Несформированность в течение продолжительного времени такой концепции способствовала, как показало проведенное нами исследование качественному ухудшению криминальной обстановки в стране, заметному снижению эффективности правоохранительной деятельности и даже перерождению правоохранительных органов в свой антипод.

Как уже было отмечено ранее, уголовная политика представляет собой стратегическую основу определения социально-профилактических и уголовно-правовых мер противодействия преступности. В ней сконцентрированы основные задачи, методы, силы и средства, принципы этого противодействия. В самом обобщенном виде под уголовной политикой можно понимать искусство управления процессами борьбы с преступностью. Уголовная политика является политико-правовой формой реакции

государства на преступность, специфической формой признания и разрешения социальных противоречий и антагонизмов [71, с.4].

Фактические данные показывают, что при ослаблении правоохранительной деятельности преступность возрастает. Конечно, было бы неверным делать из этого такой вывод, что решение проблемы преступности всецело находится в плоскости повышения действенности правовых норм и работы органов уголовной юстиции. Но очевидно, что наибольший эффект в работе по перелому в борьбе с преступностью, последовательному и повсеместному устранению наблюдаемых в этой сфере негативных тенденций возможно только на базе добротной научной теории-теории уголовно-правовой борьбы с преступностью. Ее фундаментом как раз и призвана стать складывающаяся теория уголовной политики.

Теории и практике известно достаточное количество концептуальных моделей уголовно-правового и уголовно-политического воздействия на преступность. Мы можем их сгруппировать на четыре основных, которые в том или ином объёме учитываются и используются в прогнозировании. Это: 1) “война с преступностью”, 2) “борьба с преступностью”; 3) “компромисс в борьбе с преступностью” [110, 111, 112]; 4) “дифференцированное воздействие на преступность и контроль над ней” [113, с. 51-56; 114, с.11-12].

Применительно к преступности при осуществлении практической уголовной политики распространены три подхода по использованию мер уголовно-правового воздействия.

В первой модели очевидно преобладание карательных начал и увлечение репрессивными сторонами борьбы с преступностью. На фоне снижения уровня правосознания граждан, роста количества тяжких и особо тяжких посягательств, ослабления контроля и борьбы с преступностью обычно возникает вопрос об усилении удерживающего воздействия уголовного

закона путем ужесточения наказания за преступления. Неискушенное в вопросах уголовной политики население требует более широкого применения смертной казни, суровых видов наказания, усматривая в уголовной репрессии панацею. При таком подходе, как правило, расширяются полномочия правоохранительных органов, что может создать почву для произвола, эскалации милицейского (полицейского) насилия.

«Забвение общегуманистических начал в отправлении правосудия, как убедительно показывает история человечества, всегда приводило к тотальному использованию мощи государства, к насилию и репрессиям», - пишет С. Босхолов [115, с.40]. Всякий призыв к войне с преступностью означает, по сути, призыв к насилию и жестокости. Между тем насилие в ответ порождает только насилие, а жестокость – только жестокость. Иного не дано. Чем больше людей «пройдет через машину уголовной юстиции», тем соответственно менее здоровым будет становиться наше общество [115, с.41].

Непримиримая карательная политика характеризуется широким применением смертной казни; сведением к минимуму демократических процедур назначения наказания; вынесением заочных приговоров. Тем не менее, криминальные организации своей деятельности не прекращают, меняя методы совершения преступлений на более ухищренные и сложные. Доводы сторонников данного подхода достаточно убедительны и могут встретить поддержку и одобрение у населения, особенно на фоне их возросших карательных притязаний. Вполне вероятно появление дискуссий о возможности введения смертной казни в систему уголовных наказаний.

Вместе с тем, Х.Д. Аликперов предлагает отказаться от широко распространенного в обществе мнения, что усиление уголовной репрессии может серьезно повлиять на современное состояние преступности [110, с.56].

Практика борьбы с преступностью доказывает, что ни жесткие санкции, предусматривающие суровые наказания, ни их широкое применение, ни страх быть наказанным не смогут остановить рост преступности. С другой стороны, нельзя забывать о том, что места лишения свободы являются “рассадником” рецидивной преступности, весьма редко исправляя осужденных.

В Кыргызстане, так же как и в России, в обществе давно созрело понимание того, что силовое начало в современном государственном организме уже не только не эффективно само по себе, но и требует особого оправдания, жесткой регламентации, и оно во многом утратило свою легитимность и нормальность. Кроме того, неоправданное насилие развращает сами органы правопорядка, усугубляя и без того огромное отчуждение их от населения [116, с.136].

Опыт зарубежных государств, история свидетельствует о том, что такой подход не всегда результативен, во всяком случае эффект кратковременен и путь применения одних репрессий бесперспективен. Так, например, до недавнего времени суровые наказания за наркотики пользовались в США большой популярностью. В 1988 году, когда Конгресс принял очередную серию соответствующих законов, 62 процента американцев, опрошенных институтом Гэллапа, сказали, что готовы, ради борьбы с наркотиками, поступиться частью своих свобод. Неясно и то, насколько значительную роль сыграли драконовские законы, принятые для борьбы с наркобизнесом. Они, несомненно, переполнили тюрьмы. Например, в 1960 году по этим делам в местных тюрьмах сидел 1 человек из 25. К 1994 году за наркотики отбывал наказание уже один из трех. 45 процентов заключенных в штате Нью-Йорк осуждены за наркотики. В федеральных тюрьмах эта пропорция достигает уже 70 процентов.

Существует другой полярный подход к воздействию на преступность – необоснованная “гуманизация” борьбы с ней. В частности, это может проявиться в виде появления в системе наказаний таких его видов, чье исправительное и предупредительное воздействие сомнительно. Например, это касается ограничения свободы, публичное извинение с возмещением ущерба и т.п. Кыргызский законодатель также пошел по этому пути, приняв в 2007 г. уже упоминавшийся закон КР от 25 июня 2007 года. Подобные действия законодателя накладывают соответствующий “отпечаток” на практику применения уголовно-правовых мер воздействия на преступность.

Разработчики закона от 25 июня 2007 г. не скрывали, что законопроект был разработан в целях сокращения тюремного населения [117, с.267]. Поставленная цель была достигнута. До принятия этого закона проф. Л. Сыдыкова в 2004 г. справедливо отмечала: «Если судить в целом о действующей уголовной политике, то, по сути, она представляется достаточно жесткой» [118, с.38].

Однако, очевидно, что массовый перевод ряда преступлений из разряда тяжких в менее тяжкие с расширением возможностей примирительных процедур и завершения уголовного преследования должен быть научно обоснован. В противном случае можно прогнозировать падение предупредительного уровня уголовного закона со всеми вытекающими из этого отрицательными последствиями.

Третий подход в антикриминальной политике получил название ограничительной (сдерживающей) политики, характеризующейся социально-профилактической направленностью и предусматривающей четкие правовые ограничения, дифференцированное отношение к различным преступлениям и правонарушениям. Такая политика осуществляется законными средствами на

определенной правовой основе. Этот подход является оптимальным и гибким, исключает отмеченные ранее крайности.

В рамках ограничительной антикриминальной политики реализуется уголовно-правовая борьба с преступностью, заключающаяся в осуществлении системы мер уголовно-правового воздействия на преступность. Они представляют собой разнообразную основанную на уголовном законе деятельность правоохранительных органов, которая классифицируется по целям воздействия на преступность. По мнению Г.М.Миньковского, нужна не война с преступностью, а воздействие на нее на основе права. Выход за правовое пространство исключает эффективность борьбы с преступностью [119, с.87].

Ужесточение уголовной политики выглядит естественной в условиях роста преступности. Этого активно требует ригористично настроенная часть населения и политиков: расстрелять, повесить, ликвидировать немедленно и т.п. Однако, как показывает опыт европейских стран, преобладающей тенденцией в период «криминального взрыва» должно быть не ужесточение, а рациональное развитие и даже смягчение уголовной политики. Одной из причин, которые обуславливают такую, на первый взгляд, парадоксальную реакцию является ограниченность материальных и профессиональных ресурсов, которые общество может использовать для противодействия преступности. Эти ресурсы невозможно увеличивать темпами, пропорциональными росту криминальных проявлений. Кроме того, экстенсивный путь развития дорогостоящей и громоздкой системы уголовной юстиции, при попытке его реализовать, приводит к еще более разрушительным последствиям для общества, чем сама преступность [120, с.6].

Прогноз уголовной политики Кыргызстана возможен по трем основным сценариям. Вероятный сценарий - уголовная политика медленно, но верно будет реформироваться в сторону гуманизации. Более вероятный сценарий – кардинальных изменений в уголовной политике не произойдет – напротив, негативные тенденции уголовной политики будут продолжаться – уголовная репрессия будет также адресована к все к тем же жертвам социальной политики (малообеспеченным, люмпенизированным, наркозависимым лицам), в то время как безнаказанность опасных преступников будет возрастать благодаря коррупции и несовершенству уголовного законодательства. В то же время уголовный закон будет продолжаться использоваться в качестве своеобразной дубинки для устрашения и устранения политических и экономических оппонентов. Менее вероятный сценарий предполагает существенные позитивные изменения в уголовной политике при условии реализации основных направлений ее совершенствования, а именно при надлежащем концептуальном, организационном, правовом и информационном обеспечении.

Очевидно, что в настоящее время назрела необходимость разработки комплексной программы противодействия преступности. Самым важным в данной программе представляется избежание методологических целеполагающих ошибок, допущенных ранее. К примеру, в программе по охране общественного порядка на 1995-1996 г. и специализированных программах по противодействию отдельным видам преступности в качестве одной из основных целей указывалось «усиление борьбы с преступностью». Ни одна из этих программ не увенчалась в конечном счете успехом. Главными показателями этих стратегии усиления борьбы являются число новых законов и иных нормативных правовых актов, рост количества и

численности силовых структур, число проведенных проверок, операций и т.п., когда борьба, в конечном итоге, превращается в самоцель.

Ногойбаев Б.Б., ученый – криминолог Кыргызстана с большим практическим стажем, утверждает, что интуитивизм и волюнтаризм планирования, как это ни печально, стал нормой жизни. Даже внешне привлекательно выглядящие документы, планы и концепции в большинстве своем редко когда основываются на подлинно научных, глубоких исследованиях [120,с.313].

Следует отметить неэффективность одних мер уголовной репрессии в противодействии преступности, необходим переход от уголовных репрессий в борьбе с преступностью к ее предупреждению, как приоритету государственной политики в этой области.

Современная концепция совершенствования уголовной политики должна предусматривать сокращение сферы деятельности правоохранительных органов. Среди форм реализации данного направления уголовной политики можно указать на более широкое применение реституции, (восстановления нарушенных правонарушением прав и свобод потерпевшего).

Российские криминологи предлагают продуманно и «бережно» применять уголовную репрессию, поскольку ее избыточность не только увеличивает категорию судимых лиц (тюремное население), но и существенно ухудшает социальный климат в обществе, приводит к усилению темпов воспроизводства преступности (примерно одна треть из ранее судимых вновь совершает преступления и еще около 15% - оказывают неблагоприятное воздействие на окружающих). Кроме того, как уже отмечалось, государство не может увеличивать ресурсное обеспечение субъектов уголовной политики пропорционально росту преступности. Эта

ситуация порождает необходимость перераспределения выделяемых ресурсов, путем создания новых структур правоохранительных органов с учетом повышения степени общественной опасности отдельных направлений и видов преступлений (организованной преступности, наркобизнеса и т.п.) по сравнению с традиционными видами: бытовой, уличной, ситуативной (неосторожной) преступностью.

Перспективным направлением является также прогнозирование суммарных потерь общества как от преступности, так и от затрат на борьбу с ней («цена преступности» – соразмерность в экономических расчетах потерь затрат на борьбу с преступностью и иными правонарушениями в связи с реализацией задачи обеспечения реальной безопасности общества и отдельных граждан). Противодействовать преступности нельзя без оглядки на расходы. Для небогатой страны этот тезис представляется весьма актуальным. Содержание т.н. «тюремного населения» может становиться непосильным экономическим бременем. Критическая масса тюремного населения даже в простом количественном измерении может, как показали тюремные бунты 2006 г., приводить к непредсказуемым негативным последствиям. В этой связи стратегии, направленные, на минимизацию наказаний, связанных с лишением свободы, представляются перспективной для Кыргызстана.

Очевидно, что снижение чрезмерной значимости уголовной юстиции, ограничение сферы ее деятельности - объективный процесс демократизации общества. Этот процесс во многих странах сопровождается созданием структур, которые используют нерепрессивные технологии, заключающиеся в оказании социальной помощи жертве (потерпевшему) и правонарушителю. Такой подход, помимо прочего, повышает роль жертвы и виновного в устранении конфликта, связанного с совершением правонарушения, в

возможности устранить его последствия. В этом случае, обозначается еще одно направление в концепции уголовной политики - перенос центра тяжести (постепенно, при создании соответствующих предпосылок) с публичного обвинения к усилению диспозитивных начал и на формы частного обвинения [121, с.8].

1. Прогнозирование перспектив уголовной политики должно оформляться в виде научно-обоснованной концепции, основанной на анализе потребностей общества в сфере противодействия преступности. Наиболее важными концептуальными идеями при этом должны стать ориентир на минимизацию преступности, экономию уголовной репрессии, ее дифференцированный характер.

2. В настоящее время одним из важных направлений разработки концепции уголовной политики является преодоление «кризиса правопорядка». Население (его большая часть) испытывает чувство незащитности перед преступностью, основанное отчасти на восприятии складывающейся криминальной ситуации, отчасти - на неверии в профессиональные возможности субъектов уголовной политики и эффективности всей системы правоохранительных органов. Неблагоприятная ситуация усугубляется снижением уровня доверия к судебным и правоохранительным органам в силу их пораженности коррупционными проявлениями.

3. Вынужденное ужесточение уголовной репрессии на уровне правотворчества должно предваряться прогнозом криминальной ситуации на краткосрочную и среднесрочную перспективы. При этом полагаем, что ужесточение уголовной политики вполне представляется обоснованным в отношении лиц, состоящих в организованных преступных группах и сообществах, а также преступников, совершающих резонансные и особо тяжкие преступления против личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате проведенного нами исследования сформулированы следующие выводы:

1. Эффективность противодействия преступности зависит от качества принимаемых управленческих решений концептуального, нормативного, программного и организационного характера, базирующихся на систематическом получении информации о будущем состоянии криминологической обстановки при использовании научных методов и процедур, что составляет содержание комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности.

2. Основу комплексного прогнозирования составляют криминологическое и уголовно-правовое прогнозирования, имеющие общие предметы и объекты исследования.

3. Предметом комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности должны быть такие общие теоретические и практические проблемы как: выявление и предсказание объективных процессов, тенденций, закономерностей и взаимосвязей преступности в будущем с учетом всех ее внутренних и внешних связей; предвидение появления и развития уголовно-правовых отношений, необходимости их регулирования нормами уголовного права, а соответственно, прогноз реформирования (совершенствования) уголовного, уголовно-исполнительного законодательства с прогнозом последствий такого реформирования, в том числе результатов пенализации, депенализации и правореализации; определение перспективных стратегических, тактических и практических направлений эффективной борьбы с преступностью.

4. Эффективность прогнозирования напрямую зависит от применяемых методов и точности статистических показателей. При этом нельзя

противопоставлять методы прогнозирования по их значимости. Ни один из перечисленных ранее методов не обеспечивает абсолютную точность прогноза. Ими пока удастся охватить лишь некоторые факторы из числа интенсивно, влияющих на преступность. Очевидно, что высокая степень вероятности прогноза обеспечивается совокупностью применения этих методов.

5. Главными объектами комплексного прогнозирования в сфере противодействия преступности являются криминологическая обстановка и уголовная политика.

6. В содержание криминологической обстановки входят состояние преступности, криминогенная ситуация, личностный криминогенный и виктимогенный потенциалы, а также другие социальные явления, имеющие отношение к феномену преступности и связанных с нею других форм девиантного поведения. История и современное состояние преступности не позволяют относиться к этому явлению как к преходящему и искоренимому в принципе. Из этого, однако, не следует что государство бессильно, например, перед коррупцией и организованной преступностью. Наиболее положительные результаты в борьбе с этими явлениями удастся достигать в периоды социального спокойствия посредством правильного сочетания экономических, политических, организационных, правовых мер.

7. Под уголовной политикой понимается деятельность государства и уполномоченных законом институтов гражданского общества, направленную на предупреждение, контроль и наказание за преступления, возмещение вреда причиненного преступлениями с целью снижения общественной опасности и распространенности преступлений, замедления темпов прироста преступности, уменьшения и максимального полного возмещения вреда, причиненного преступлениями.

8. Проведенное исследование показало, что большинство правоприменителей, включая таких субъектов уголовной политики как законодателей и руководителей правоохранительных органов, реализуют прогностическую функцию на интуитивном уровне, зачастую поддаваясь эмоциям, не опираясь на научные методы и процедуры. При принятии решений о криминализации тех или иных деяний следует предвидеть, что когда правовая норма основывается на соответствующих экономических, социальных, социально-психологических, организационных предпосылках, она может оказать существенное влияние не только на статистическую картину преступности, но и на фактическое ее состояние.

9. Для комплексного прогнозирования большое значение имеет предвидение менталитетов, целей и ценностей общества в обозримом будущем, предполагаемый уровень социальной дифференциации, расслоения и конфликтности в нем, что следует ожидать от политической активности различных партий, движений и общественных организаций в перспективе, как могут измениться экономические условия жизни общества, какова предполагаемая распространенность криминалитета на базисные отношения и т.д. Правильное применение разработанных методик прогнозирования позволяет получить приближенную к истине картину о будущем состоянии криминологической обстановки, в первую очередь о состоянии преступности, принимать упреждающие меры, в конечном итоге минимизировать преступность и ее последствия.

СПИСОК НОРМАТИВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативные акты

Конституция Кыргызской Республики от 5 мая 1993 г., в редакции одобренной референдумом 27 июня 2010 г. – Бишкек: Токтом, 2010.

Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности от 12 июня 1999 г. № 56. – Бишкек: Токтом, 2010.

Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 г. № 68. – Бишкек: Токтом, 2010.

Уголовно-исполнительный кодекс Кыргызской Республики от 13 декабря 1999 г. – Бишкек: Токтом, 2000.

II. Монографии, учебники, учебные пособия, лекции, авторефераты, статьи

1. **Тогусаков, О.А.** Предвидение как функция науки [текст]/О.А.Тогусаков, – Б., 2002.

2. **Прогностика** [текст]/Прогностика. – М., 1987.

3. **Фесенко, Р.А.**, Прогнозирование научно-технического прогресса на основе переработки научно-технической информации [текст]/ Р.А.Фесенко, В.А.Лисичкин. – М., 1968.

4. **Бестужев – Лада, И.В.** Прогнозирование как одна из категорий подхода к проблемам будущего [текст]/ И.В.Бестужев – Лада//Проблемы общей и социальной прогностики. – М., Вып.1. 1968;

5. **Добров, Г.М.** Прогнозирование науки и техники [текст]/ Г.М. Добров. – М., 1967;

6. **Виноградов, В.Г.** Научное предвидение [текст]/В.Г. Виноградов. – М., 1973.

7. **Кондратюк, Л.В.** Региональное криминологическое прогнозирование: опыт, проблемы [текст]/ Л.В.Кондратюк // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
8. **Аванесов, Г.А.** Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью [текст]/ Г.А. Аванесов. – М., 1972.
9. **Бестужев-Лада, И.В.** Окно в будущее. Современные проблемы социального прогнозирования [текст]/ И.В.Бестужев-Лада М., 1970.
10. **Миньковский, Г.М.** Криминологический и уголовно-правовой прогноз: значение, содержание, проблемы [текст]/Г.М. Миньковский //Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
11. **Жалинский, А.Э.** Актуальные проблемы прогнозирования процессов борьбы с преступностью [текст]/ А.Э.Жалинский // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.
12. **Клейменов, М.П.** Уголовно-правовое прогнозирование [текст]: Дисс. ... д-ра юрид. наук/М.П. Клейменов. – Омск, 1992.
13. **Ковалев, М.И.,** О некоторых проблемах прогнозирования преступности в современной России [текст]/ М.И. Ковалев, Л.М. Ковалев //Российский юридический журнал. – 1997. - № 4.
14. **Координация действий в борьбе с преступностью** [текст]// Российская юстиция. – 1999. - № 5.
15. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и декриминализации в новейшем уголовном законодательстве России [текст]/ А.И.Коробеев. - Владивосток, 2005.
16. **Горшенин, Л.Г.** Криминалистическое прогнозирование [текст]/ Л.Г. Горшенин. - М., 1992. С.9.
17. **Кудрявцев, В.Н.** Общая теория квалификации преступлений [текст]/ В.Н. Кудрявцев. - М., 1999.

18. **Сотников, К.И.** Прогнозирование в деятельности следователя [текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ К.И. Сотников. - Свердловск, 1987.
19. **Рагимов, И.М.** Теория судебного прогнозирования [текст]/ И.М. Рагимов. – Баку, 1987.
20. **Якимович, Ю.К.** Структура советского уголовного процесса [текст]/ Ю.К. Якимович.- Томск, 1991.
21. **Криминология** [текст]/учебник. - М.: Изд-во МГУ, 1994.
22. **Основания уголовно-правового запрета** (криминализация и декриминализация) [текст]/ Основания уголовно-правового запрета. - М., 1982.
23. **Сафаров, Р.А.** Прогнозирование и юридическая наука [текст]/ Р.А. Сафаров // Советское государство и право. – 1969. - № 3. - С.63.
24. **Разгильдиев, Б.Т.** Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация [текст]/ Б.Т. Разгильдиев. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1993.
25. **Бородин, С.В.** Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) [текст]/ С.В. Бородин // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сборник научных трудов. – М., 1994..
26. **Миньковский, Г.М.** Уголовная политика как предмет исследования и преподавания [текст]/ Г.М. Миньковский //Особенности развития уголовной политики в современных условиях /Тр. Академии МВД РФ. – М., 1996.
27. **Сотников, К.И.** Прогнозирование в деятельности следователя [текст]: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук/ К.И. Сотников. - Свердловск, 1987.

28. **Рагимов, П.М.** Теория судебного прогнозирования [текст]/ П.М. Рагимов. - Баку, 1987.

29. **Бородин, С.В.** Основные направления уголовной политики и формы их реализации (организационный аспект) [текст]/ С.В. Бородин // Проблемы уголовной политики и уголовного права. Межвуз. сб. научн. тр. - М., 1994.

30. **Уголовно-исполнительное право России.** Учебник для юридических вузов и факультетов [текст]: учебник под ред. А.И. Зубкова. - М.: ИНФРА-М- НОРМА, 1997.

31. **Ялунин, В.** Уголовно-исполнительная система Минюста России: что это такое? [текст]/ В. Ялунин // Следователь. - 1999. - № 6.

32. **Побегайло, Э.Ф.** О концепции уголовной политики в сфере правотворчества [текст]/ Э.Ф. Побегайло // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализация органами внутренних дел / Труды Академии МВД России. - М., 1995.

33. **Похмелкин, А.В.,** Новая концепция уголовной политики [текст]/ А.В. Похмелкин, В.В. Похмелкин // Актуальные вопросы борьбы с преступностью в России и за рубежом. Вып. 1. - 1999.

34. **Алексеев, А.** Государственная политика борьбы с преступностью в России [текст]/ А. Алексеев // Уголовное право. - 1998. - № 3. -С. 100-104.

35. **Пономарев, П.Г.** О формировании уголовной политики [текст]/ П.Г. Пономарев // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализация органами внутренних дел. / Тр.. Академии МВД России. - М., 1995.

36. **Колобов, Г.** Нужна ясная уголовная политика [текст]/ Г. Колобов // Законность. - 2000. - № 3.

37. **Рабочая книга по прогнозированию** [текст]/ М.: Мысль, 1982. С. 393.

38. **Казимирчук, В.П.**, Современная социология права [текст]/ В.П. Казимирчук, В.Н. Кудрявцев.-М., 1995
39. **Краткий словарь по социологии** [текст]/ Краткий словарь по социологии / Под ред. Д. М. Гвишвиани, Н.И. Лапина; сост. Э.М. Коржева, Н.Ф. Наумова. М.: Политиздат, 1989.
40. **Процесс социального исследования** [текст]/ Процесс социального исследования. - М., 1975.
41. **Чубарев, В.А.** Общественная опасность преступления и наказания [текст]/ В.А. Чубарев. - М., 1982.
42. **Шлепентох, В.Э.** Как сегодня изучают завтра [текст]/ В.Э. Шлепентох. - М., 1975.
43. **Бешелев, С.Д.** Математико-статистические методы экспертных оценок [текст]/ С.Д. Бешелев, Ф.Г. Гурвич. - М., 1974.
44. **Гаврилов, О.А.** Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование [текст]/ О.А. Гаврилов . – М.,1993.
45. **Куприян, А.П.** Методологические проблемы социального эксперимента [текст]/ А.П. Куприян М.,1971.
46. **Блувштейн, Ю.Д.** Теоретические вопросы статистического изучения личности преступника [текст]: Дис. ... канд. юрид. наук/Ю. Д. Блувштейн. - М., 1967.
47. **Ковалев, М.И.** Основы криминологии [текст]/ М.И. Ковалев. М., 1970.
48. **Косоплечев, Н.П.** Методы криминологического исследования [текст]/ Н.П. Косоплечев. - М., 1981.
49. **Лазарев, В.В.** К вопросу о понятии и пределах эксперимента в области права [текст]/ В.В. Лазарев // Правоведение. -1966. - № 1.

50. **Булатов, Г.Г.** Некоторые аспекты оценки базовых статистических данных о преступности и результатах борьбы с ней при криминологическом прогнозировании [текст]/ Г.Г. Булатов // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.

51. **Аврютин, Ю.Е.** О формировании уголовной политики [текст]/ Ю.Е. Аврютин, Я.И. Гишинский. - М., 1987.

52. **Справка по итогам 2011 г. МВД КР.**

53. **Босхолов, С.С.** О некоторых аспектах обеспечения прогнозирования преступности в связи с оценкой латентной ее части [текст]/ С.С. Босхолов // Методология и методика прогнозирования в сфере борьбы с преступностью. - М., 1989.

54. **Криминология** [текст]: учебник/ Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, Г.М.Миньковского/. - М., 1994. С.69.

55. **Лунеев, В.В.** Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции [текст]/ В.В Лунеев. – М.: Изд. Норма, 1997.

56. **Региональное криминологическое прогнозирование: опыт, проблемы** [текст]/ Л.В. Кондратюк // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.

57. **Политология** [текст]: учебник. М.: Изд-во «Publishers», 1993.

58. **Курс уголовного права. Том 2. Общая часть. Учение о наказании** [текст]: учебник/ (под ред. доктора юридических наук, профессора Н.Ф.Кузнецовой, кандидата юридических наук, доцента И.М.Тяжковой) - М.: «Зерцало-М», 2002.

59. **Федеральная программа Российской Федерации по усилению борьбы с преступностью на 1994-1995 годы.** Утверждена Указом Президента РФ № 1016 от 24 мая 1994 г. [текст]/ Федеральная программа // Российская юстиция. 1994. № 10-12.

60. **Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью [текст]/ М.: Академия МВД России, 1996.**

61. **Сухарев, А.Я., Основы государственной политики борьбы с преступностью. Теоретическая модель. [текст]/ А.Я.Сухарев, А.И. Алексеев, М.П. Журавлев. М.:Норма, 1997.**

62. **Босхолов, С.С. Концепция реформирования уголовной политики [текст]/ С.С. Босхолов.- М.:Московский институт МВД РФ, 1999.**

63. **Лист, Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социальное явление [текст]/ Ф. Лист. - М.: Инфра• М, 2004.**

64. **Гогель, С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией[текст]/ С.К. Гогель. СПб., 1910.**

65. **Чубинский, М.П. Курс уголовной политики [текст]/ М.П. Чубинский. - Киев, 1909.**

66. **Крыленко, Н.В. Ленин о суде и уголовной политике [текст]/ Н.В. Крыленко. М., 1934.**

67. **Советское уголовное право. Общая часть [текст]/ А.А. Пионтковский. М., 1928.**

68. **Шляпочников, А.С. Толкование советского уголовного закона[текст]/ А.С. Шляпочников. М.:Госюриздат,1960.**

69. **Герцензон, А.А. Уголовное право и социология [текст]/ А.А. Герцензон. – М., 1970.**

70. **Миньковский, Г.М. О задачах и направлениях творческого решения проблем советской уголовной политики [текст]/ Г.М. Миньковский // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1985.**

71. **Гребцов, О.В. Уголовная политика современной России [текст]: Автореферат дисс. канд. юрид. наук/ О.В Гребцов. – СПб., 1998.**

72. **Панченко, П. Н.** Советская уголовная политика. Общетеоретическая концепция борьбы с преступностью: ее становление и предмет [текст]/ П. Н. Панченко.- Томск, 1988.

73. **Пономарев, П.Г.** О формировании уголовной политики России [текст]/ П.Г. Пономарев // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М.: Академия МВД РФ, 1995.

74. **Уголовное право. Общая и Особенная Части** [текст]: учебник под ред. Л.Д.Гаухмана, Л.М.Колодкина и С.В.Максимова. М.: Правоведение, 1999.

75. **Исмаилов, И. А.** Преступность и уголовная политика [текст]/ И. А. Исмаилов // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. – М.: Академия МВД РФ, 1995.

76. **Гишинский, Я. И.** Уголовная политика и проблемы реформирования системы уголовного правосудия России [текст]/ Я. И. Гишинский // Уголовная политика России - прошлое, настоящее, будущее: Сборник информационных материалов. Вып. 1. - М., 1997.

77. **Стручков, Н.А.** Исправительно-трудовая политика и её роль в борьбе с преступностью [текст]/ Н.А. Стручков. - Саратов, 1970.

78. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика [текст]/ А.И. Коробеев, А.В. Усс, Ю.В. Голик. – Красноярск: изд-во Красноярского университета, 1991.

79. **Дагель, П.С.** Проблемы советской уголовной политики [текст]/ П.С. Дагель.- Владивосток, 1982.

80. **Исмаилов, И. А.** Уголовная политика как сложная система [текст]/ И. А. Исмаилов // Учёные записки Азербайджанского государственного университета. Серия юридических наук. - Баку, 1975. № 1.

81. **Гребцов, О.В.** Уголовная политика современной России [текст]: Дисс. ... канд. юрид. наук/ Гребцов О.В. – СПб., 1998.

82. **Коняхин, В.П.** Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права [текст]/ В.П. Коняхин. - СПб: Юридический центр Пресс, 2002.

83. **Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»** от 24 июня 1999 года №120-ФЗ [текст]/ Федеральный закон // Собрание законодательства Российской Федерации, 1999. №26. Ст. 3177; 2004. №35.Ст. 3607.

84. **Квашиш, В.Е.** Уголовная политика в сфере борьбы с преступной неосторожностью (социологические аспекты) [текст]/ В.Е. Квашиш // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985.

85. **Максимов, С.В.** Эффективность общего предупреждения преступлений [текст]/ С.В. Максимов. - М.: Академия МВД РФ, 1992.

86. **Миньковский, Г.М.** Об основах предупреждения преступлений (проект Федерального закона с пояснительной запиской) [текст]/ Г.М. Миньковский, В.П. Ревин, Л.В. Барина, А.Д. Донченко // Уголовная политика и проблема безопасности государства. Труды Академии управления МВД РФ, 1998. С. 5-24.

87. **Владимиров, В.А.** Советская уголовная политика и ее отражение в действующем законодательстве [текст]/ В.А. Владимиров, Ю.И. Ляпунов.- М.: Академия МВД СССР, 1979. С.7.

88. **Концепция государственно-правовой политики в области борьбы с преступностью** [текст]/ М.: Академия МВД России, 1996.

89. **Основные положения государственной стратегии экономической безопасности Кыргызской Республики**, одобренные постановлением Правительства КР от 19 декабря 1996 года N 606 [текст] // Энциклопедия Кыргызского Права. 1997. № 1.

90. **Основные направления борьбы с преступностью** [текст]/ Основные направления борьбы с преступностью.- М., 1975. С.49.

91. **Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией, контрабандой и экономическими преступлениями в Кыргызской Республике на 2001 - 2003 годы**, утвержденная Постановлением Правительства КР от 3 марта 2001 года № 81 [текст]/ Государственная программа // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.

92. **Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел** [текст]/ Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел.- М.: Академия управления МВД РФ, 2003.

93. **Гаухман, Л.Д.** Понятие советской уголовной политики и ее основные направления [текст]/ Л.Д. Гаухман, Ю.И. Ляпунов.- М.: Академия МВД СССР, 1980.

94. **Загородников, Н.И.** Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел [текст]/ Н.И. Загородников. - М.: МВШМ, 1979;

95. **Коробеев, А.И.** Уголовно-правовая политика: тенденции и перспективы [текст]/ А.И. Коробеев. - Красноярск, 1981;

96. **Осмоналиев, К.М.** Уголовная политика современного Кыргызстана: становление и развитие [текст]: Дис. ... д-ра юрид. наук/ К.М.Осмоналиев. – М., 2005.

97. **Миньковский Г.М.** Правовая политика в сфере борьбы с преступностью и проблемы законодательного регулирования этой борьбы [текст]/ Г.М. Миньковский // Проблемы формирования уголовной политики Российской Федерации и ее реализации органами внутренних дел. Труды Академии МВД Российской Федерации. 1995.

98. **«Концепция национальной безопасности Кыргызской Республики»**, утвержденная Указом Президента КР от 13 июля 2003 года УП № 221.

99. **Указ Президента КР от 10 сентября 2001 года УП № 268 «Об упорядочении координационной деятельности правоохранительных органов».**

100. **Указ Президента КР от 19 апреля 2003 года УП №132 «О мерах по совершенствованию прокурорского надзора и дальнейшему утверждению законности в Кыргызской Республике».**

101. **Проект по разработке Концепции создания единой информационно-правовой базы судов общей юрисдикции и программы по ее реализации в рамках проводимой в республике судебной реформы, одобренный распоряжением Президента Кыргызской Республики от 10 июня 2002 года №124 [текст]/ проект // Энциклопедия Кыргызского Права. 2001. № 3.**

102. **Шестаков, Д.А.** Криминология. Преступность как свойство общества [текст]/ Д.А. Шестаков. – СПб: Санкт-Петербургский государственный университет, 2001.

103. **Кондратов, П.Е.** Учет нормативно-правового фактора при составлении прогнозов в сфере борьбы с преступностью [текст]/ П.Е. Кондратов // Труды Академии МВД СССР. – М., 1989.

104. **Гольберт, В.** О течениях и водоразделах в криминологии уголовной политике [текст]/ В. Гольберт // Уголовное право. – 2002. - № 4.

105. **Курс уголовного права.** Общая часть. Том 1: Учение о преступлении [текст]: Учебник для вузов. под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой.- М., 2002.

106. **Милюков, С.В.** Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа [текст]/ С.В. Милюков. – СПб., 2000;

107. **Наумов, А.В.** Два года действия Уголовного кодекса РФ: достижения и просчеты [текст]/ А.В. Наумов // Российская юстиция. – 1999. - № 9.

108. **Трахов, А.И.** Уголовный закон в теории и судебной практике [текст]/ А.И. Трахов. – Майкоп, 2001.

109. **Антонов, А.Д.** Теоретические основы криминализации [текст]/ А.Д. Антонов. – М., 2004.

110. **Аликперов, Х.Д.** Преступность и компромисс [текст]/ Х.Д. Аликперов Баку, 1992.

111. **Звечаровский, И.Э.** Уголовно-правовые нормы, поощряющие посткриминальное поведение личности [текст]/ И.Э. Звечаровский.- Иркутск, 1991.

112. **Сабитов, Р.А.** Совершенствование уголовно-правового регулирования посткриминального поведения [текст]/ Р.А. Сабитов // Современные проблемы уголовного права и криминологии. Владивосток, 1991.

113. **Барбинянга, А.** Борьба с преступностью: поиск новых путей [текст]/ А. Барбинянга, Л. Кушнир. // Коммунист Молдавии. Кишинев. - 1989. - № 6.

114. **Нетрадиционные формы борьбы с преступностью** [текст]/ Нетрадиционные формы борьбы с преступностью // Борьба с преступностью за рубежом. -1993. - № 9.

115. **Босхолов, С.С.** Основы уголовной политики: Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты [текст]/. С.С. Босхолов. – М., 1999.

116. **Артемов, В.М.** Правопорядок в современном Российском обществе: концептуальные обоснования и инновации [текст]/ В.М. Артемов. – М.: Академия управления МВД РФ, 1998.

117. **Гуманизация уголовного законодательства КР: проблемы теории и практики** [текст]/сборник статей. – Бишкек, 2009.

118. **Сыдыкова, Л.Ч.** Гуманизация уголовного законодательства: альтернативы лишению свободы [текст]/ Л.Ч. Сыдыкова // Развитие пенитенциарной системы в Кыргызской Республике: результаты, проблемы и перспективы. – Бишкек, 2003.

119. **Миньковский, Г.М.** Избранные труды [текст]/ Г.М. Миньковский. – М., 2005.

120. **Ногойбаев Б.Б.** Наркоситуация: анализ, диагноз, прогноз [текст]/ Б.Б. Ногойбаев. – Б., 2010.

121. **Ревин, В.П.** Концептуальные положения уголовной политики [текст]/ В.П. Ревин, Я.Г. Стахов, Е.В. Зябко // Современные проблемы уголовной политики, уголовного права и криминологии. Труды Академии управления МВД РФ. – М., 2002.